

Истории зимней мастерской текста

(дек 2014 — янв 2015)

vk.com/so.tvor.enie

Создатель творческих мастерских vk.com/so.tvor.enie:

- Елена Трускова
<https://vk.com/elena.truskova>
<https://www.facebook.com/elena.truskova>

Авторы историй зимней мастерской текста:

- Сергей Новик
<https://www.facebook.com/sergey.novik>
- Людмила Казанцева
https://vk.com/ludmila_kazantseva
- Татьяна Овдийчук
- К
- Ольга Виноградова
<https://www.facebook.com/profile.php?id=100001259512696>
- Ольга Катышева
<https://www.facebook.com/profile.php?id=100001738761858>
- hirona.livejournal.com
- Анна Гариб
<https://www.facebook.com/transformationstory>
- Наташа Носевич
<https://www.facebook.com/NataNosevich>
sunci.livejournal.com
- Тина Горючева
- Виктория Староватова
<https://www.facebook.com/victoria.starovatova>
- Марианна Яцышина
<https://vk.com/id103790727>
- Ольга Крыщенко
www.kryshenko.com

- Яна Рулева

<https://www.facebook.com/yana.ruleva>

- Ольга Лебедева

<https://www.facebook.com/profile.php?id=100002500026410>

- Сергей Рясенко

<https://www.facebook.com/profile.php?id=100000917799433>

Первые слова

Этих историй (а также их некоторых действующих лиц) раньше не было. А теперь они есть.

Появились на свет благодаря нашей зимней мастерской текста и неутомимым авторам.

Ваши истории уже живут в вас.

Только мы сами можем помочь им выбраться наружу.

Все, что для этого нужно, — это время и правильный настрой. И любовь, пожалуй. С любви к писательскому процессу все начинается. И с атмосферы творчества.

«Текст — это то, чего не было, а потом есть всегда»
(Андрей Битов)

Первые слова	4
Виолетта	7
Я не умею рисовать	9
Юность, как она есть	10
Атохи	11
Эдмонд	14
Данечка и пирожки	16
Роберт и кофе	18
Ураган Афиф	21
Ароматный и немного корицы	25
Коричневка	26
Я — рыба?	27
Морской этюд	28
Хна против J'Adore	29
Голоса	31
Что запахи рассказывают мне?	33
Запах	36
Герой	37
Математический кружок	41
Индустриальный город	43
Путешествие	47
Морковь	50
Улавливатель снов	52
ДД	53
Куприян	55
Стеколка	58
Кох	59
Марвин	60
Мика Тойвонен	62
К2	65
Стрелков	67
Крылья	69
Хохолок	71
Монолог одной очень пожилой дамы с французской фамилией Трельяж	72
Наглядное пособие	74
Позитивное мышление Фиолетового Халата	76

Не хронограф	80
Зеленый дом	81
Ночи Дневника Делакруа	83
Сон ловца снов	85
Доброе утро, писатель...	88

Сергей Новик

Виолетта

Автомобиль для меня – не роскошь. И даже не средство передвижения. Это надежный друг, который укроет от непогоды, перевезет меня и груз куда необходимо, будет надежным попутчиком в путешествии. И была у меня мечта – джип. И не любой, а именно Субару Форестер 2. Кто-то скажет – несовременный и маленький, а мне нравится. Немного угловатый, невысокий, зато шустрый и с потрясающей проходимостью. Для меня крутизна не в размерах машины, а в ее пользе и комфорте.

Мечтал я долго – лет 5. И всегда находились причины, чтобы отложить покупку. То кризис, то дочке на образование деньги нужны... И вот я перебираюсь жить на землю, за город. Начинаю строить дом. Мечта уже плавно перерастает в необходимость, и... Неожиданно приходят деньги – внеплановая премия! Помню чувство внутреннего звоночка – давай, пора!

Долго искал модель, которая нравится – нечерную, не турбо и с механической коробкой. Наконец, еду на просмотр. Хозяин машины – мой ровесник, после ритуального внешнего осмотра автомобиля и заглядывания под капот протягивает мне ключи – «Хочешь прокатиться?» Совершенно не ожидая такого поворота, с предвкушением новых впечатлений сажусь за руль. Оооо... Да простят меня читатели-женщины, ощущения пробной поездки на незнакомом авто – как у первого поцелуя. Наверное, в мужчин заложена страсть к технике и механизмам, по силе сравнимая с чувствами к любимой женщине. В меня – так точно.

Усаживаюсь, осматриваю управление, подгоняю под себя зеркала. Сиденье удобное, все необходимое под рукой. Завожу двигатель. Врум... – сказала машина фирменными субаровскими нотками. Настороженно присматриваясь друг к другу, делаем пару кругов по близлежащим кварталам. Как назло, машин много, даже на прямых участках не разгонишься. А хозяин дразнится – «вот после 4 тысяч оборотов движок только просыпается»! Ладно, заруливаем обратно на стоянку, говорим о цене. Машина нравится, только пробег большой. И тут продавец еще сбрасывает цену ровно до той суммы, которая у меня есть. Это знак! Ударили по рукам, договорились о дне оформления.

День покупки описывать не буду – долгие ожидания и хождения по кабинетам неинтересны. И вот, уставший и довольный, собираюсь ехать домой. Завожу уже СВОЮ машину и отмечаю чувство выполненной мечты – счастье, радость и легкую грусть одновременно. «Как тебя

зовут?» — мысленно спрашиваю мою серебристую подругу. «Виолетта» — гордо отвечает она, увеличивая скорость и унося меня к новой мечте.

Людмила Казанцева

Я не умею рисовать

В 10 лет я оказалась в больнице. С градинами слез, страхом и болью в глазах, без диагноза и надолго.

Но ребенок есть ребенок, ему неведома депрессия.

Когда от многодневной температуры, наконец, перестало колотить, попросила маму принести мне бумагу, карандаши и открытки. Я начала рисовать, а точнее срисовывать грациозных оленей, коричневых медведей, осторожных зайцев с открыток.

Тогда меня не посещала мысль «Я не умею рисовать». Простой карандаш и альбомный лист — что еще для счастья нужно?

Прошло время, я выздоровела и в моей голове все-таки произошло разделение на людей творческих и не творческих.

Творческие люди — это писатели, певцы, артисты, композиторы, художники. Каким боком я к ним отношусь?

Как вдруг однажды пришло осознание того, что не творческих людей не бывает. Если я пишу статью на блог, фотографирую снег, пеку ржаной хлеб, вяжу полосатый носок, наряжаю сушеными кольцами апельсин елку, значит — творю. Через меня проявляется красота.

И в 42 года я вновь начала рисовать. Нахожу понемногу времени и радуюсь рисункам, как ребенок, который впервые взял в руку карандаш и удивлённо смотрит, как эта палочка оставляет след на бумаге.

Татьяна

Юность, как она есть

Летом 2008 года я приехала в Киев, мечтая покорить этот город и завоевать сердце одного особенного парня. Но перед тем, как свалиться ему на голову и влюбиться в себя, мне требовалась хорошая работа. Я была уверенной, энергичной, веселой провинциальной бабочкой, которая порхала по собеседованиям с портфолио из 10 статей в местной газете. Поездки на собеседования казались увлекательными путешествиями с пересадками и приключениями. Весь шумный бурлящий город был для меня, был как я, и я верила, что все получится.

Но недели шли, а предложений работы не было. Деньги таяли, и я беспокоилась, что миссия может оказаться невыполнимой. Именно поэтому стала еще больше гулять по Киеву, вбирая в себя его простор, красоту, культуру. Я ходила во все картинные галереи, где был бесплатный вход. Иногда я обнимала красивые дома, мысленно представляя, что живу или работаю в них. Ловила ароматы венской выпечки и кофе из уютных, но дорогих кафешек в центре, и мечтала, как я буду завтракать в них каждое утро перед работой.

И вот меня пригласили на собеседование в компанию «Небеса», в ультрасовременный высотный бизнес-центр. Я пришла на полчаса раньше, и все это время просто смотрела на стеклянный небоскреб (возможно, даже открыв рот). Автоматическая вертящаяся дверь в БЦ «Парус» одновременно восхищала и пугала меня. Я долго «прицеливалась» к входу и репетировала деловое выражение лица, чтобы охрана не догадалась, как я боюсь. Внутри офисного центра все было величественным, сияющим и автоматическим. Как на новой станции метро: турникеты и карточки, сумасшедший поток людей. Тогда я была в эйфории.

«Даже если не попаду на работу, будет что рассказать друзьям», — сказала я себе, с опаской заходя в огромный желудок лифта, мягко и бесшумно поднявшего меня в "Небеса".

В переговорной комнате, где проводили собеседование, две стены были стеклянными, без рам. Стол со стульями и со мной как будто парили над Киевом. Раньше я никогда не поднималась выше 8-го этажа, и на 20-м у меня подкосились ноги и так закружилась голова, что пришлось даже вцепиться в мебель. Сердце билось, как у зайца под кустом. Я так и сказала об этом на собеседовании. И, возможно, кто-то из интервьюеров узнал во мне себя. А быть может, я подкупила их своей искренностью. Или рассказом о том, что я провожу свободное время, гуляя по галереям и обнимая дома :)

Атохи

Атохи лежит, прижавшись всем телом к земле, и внимательно смотрит вперед: там, меж ветвей кустарника, стоит косуля. Она изящно изгибает свою шею, срывая нежные листья с ветвей, потом нервно вскидывает голову и, вращая ушами, принюхивается к сумеркам. Косуля — сложная добыча. Малейший шорох, хруст сухой ветки под ногами — и она одним гигантским прыжком унесет свое грациозное в чащу, оставив охотника ни с чем. Поэтому Атохи старается дышать тихо-тихо. Капельки выступившего от напряжения пота подрагивают на его коже.

Однако он спокоен. Атохи знает, что Великий Отец смотрит на него сейчас, и это придает уверенность. Великий Отец всегда смотрит на тех, кто проходит Испытание Охотника, так говорит Орава. А Орава знает, что говорит. Подумав об этом, Атохи оглядывается вокруг, одними глазами, стараясь не крутить головой: вдруг Великий Отец покажется ему хотя бы на мгновение. Хотя нет, лучше не надо. Ведь Орава также говорит, что Великий Отец предстает перед охотником в тот момент, когда приходит пора уходить в Край Великих Охот. Ему еще рано.

Он только начинает жить. Сегодня — день Испытания, и он должен принести добычу, чтобы показать племени, что он стал мужчиной. И тогда Орава даст ему новое имя, и остальные мужчины примут его в свой круг. Он построит свой шалаш и попросит Анис жить с ним. Сладкая дрожь пробегает по телу Атохи, как только мысли его обращаются к Анис. Она не откажет. Он знает, как она смотрит на него, когда он натягивает тетиву своего лука или помогает снимать шкуру с бизона. Приятное тепло разливается внутри Атохи.

Стоп. Он вздрагивает. Это никуда не годится. Думать о женщине в момент Испытания! Атохи мысленно ежится, чувствуя, как Великий Отец неодобрительно хмурится. Блестящий глаз косули смотрит на него сквозь листву. Пора? Или рано? Что-то не так. Атохи не может заставить свое тело повиноваться и работать, как положено. Плотское возбуждение, охватившее его при мысли об Анис, спугнуло Дух Охоты, который был с ним весь вечер. Он чувствовал его присутствие рядом, прямо за правым своим плечом, и часто оборачивался, мысленно спрашивая совета: куда идти? свернуть налево или направо? подняться ли на холм или идти вдоль реки?

И вот его больше нет. Дух покинул его. Холодные пальцы страха сжимают внутренности Атохи, выворачивая их наизнанку. Блестящий

черный глаз косули по-прежнему смотрит на него сквозь листву, ноздри нервно втягивают в себя воздух, чуя опасность.

Не важно. С помощью Духа Охоты или без, но он должен сделать это. Потому что он — охотник. Усилием воли, чувствуя одобрительный взгляд Великого Отца, Атохи готовит себя для прыжка. Холодный воздух наполняет его легкие, сердце замедляет свое биение. Он спокоен. И вот его сильные ноги толкают землю: словно стрела, выпущенная из лука, Атохи летит вперед, крепко сжав нож в правой руке. Его левая рука крепко хватается животное за шею, он замахивается для удара — надо быстро перерезать косуле горло — но внезапная острая боль в правом предплечье заставляет его выпустить добычу. Удивляясь теплу собственной крови, струящейся из раны, Атохи с досадой оглядывается.

Два светящихся глаза злобно смотрят на него откуда-то снизу. Ледяной ужас сковывает его сердце: росомаха! Дух Смерти! Нужно бежать! С Духом Смерти нельзя спорить, с Духом Смерти невозможно договориться. Можно только бежать! Спасаться! Мчаться куда глаза глядят, не разбирая дороги, нет, лучше всего к реке, сейчас же! Да, конечно, Дух Смерти не может пересечь реку, Орава говорила, да! Ну же!

Атохи продолжает стоять и смотреть на две светящиеся злобой точки, не в силах пошевелиться. Он слышит утробный рык росомахи, и в этот же момент чувствует, как Великий Отец улыбается ему. Дух Охоты кладет свою руку ему на плечо. Со скоростью ястреба, настигающего свою добычу, Атохи наносит удар в сторону светящихся глаз, хватая зверя левой рукой, как только чувствует сопротивление входящего во плоть ножа. Леденящий душу крик прорезает лесные сумерки. Тугой меховой комок, извивающийся под его пальцами, вдруг обмякает.

Атохи медленно поднимается. Он только что убил росомаху. Он убил Духа Смерти.

Великий Отец улыбается ему звездами, видными сквозь ветви ночного леса. Атохи оглядывается вокруг, с наслаждением вдыхая холодный воздух. Что-то изменилось. Новое сердце бьется в груди Атохи, разгоняя по венам новую кровь. Новые глаза смотрят в темноту, с легкостью различая каждую травинку на земле и каждый лист на дереве. Новые уши слышат тысячи звуков, наполняющие ночной лес. Почему раньше он этого не видел и не слышал? Атохи улыбается. Ну конечно же. Он больше не Атохи. Новый человек стоит под лесным сводом.

Спокойными, уверенными движениями, чувствуя каждую мышцу в его новом, прекрасном теле, он связывает добычу и с легкостью забрасывает ее себе на спину. Пружинистой и бесшумной походкой настоящего

охотника он, человек-которого-ждет-новое-имя, направляется в сторону деревни. Сегодня день его рождения. Ему дадут новое имя. Он будет рассказывать про свою охоту, пировать вместе со всеми и смеяться. А потом он пойдет к Анис, и они станут единым целым.

У них родятся дети, которые вырастут и тоже пойдут на свою Первую Охоту, чтобы стать частью племени и придти на смену тем, кто отправится в Край Великих Охот. Придет и его время, и тогда уже он сам — Великий Отец — будет внимательно смотреть на своих детей оттуда, сверху, улыбаясь им, давая им свою любовь и поддержку. А они будут смеяться от радости, зная, что он — с ними. Потому что так устроен мир.

И это правильно.

Эдмонд

Жираф Эдмонд совершенно не представлял, как появился в этом мире. Осознание жизни приходило к нему постепенно, словно сквозь толстую завесу. Сначала это были всполохи звуков, красок, очертаний предметов. Но они становились всё плотней, всё весомее, всё регулярнее, и вот однажды всё слилось в одно неделимое яркое полотно. Весь мир предстал перед Эдмондом. Вот оно – счастье!

Всё тонуло в свете, тепло проникало во все предметы. Мимо проходили люди. Из разговора двух дам солидного возраста жираф понял, что находится во дворе, лето в самом разгаре, а Колесниченко из 13 квартиры – старый пьяница и врун каких свет не видывал. А потом он узнал, что нарисован на стене дома. Яркий мир словно бы померк, потерял всякий смысл. Какая смешная ошибка! Он мог бы бежать по бескрайним просторам Африки, но прикован к стене. Что проку от такой жизни? Жираф Эдмонд не мог ни насупиться, ни поплакать, ни рассказать о своём положении. Только внутри у него поселилась горечь.

Шли дни. Он был свидетелем разговоров и поступков людей, хотя с удовольствием отказался бы от этой привилегии. Безразлично взирал она драмы и комедии, которые разыгрывались перед его глазами. Проходили дни, а он чувствовал всё те же горечь и обиду.

Однажды он очнулся от своей полудрёмы, потому что в него угодил мяч. Да-да, мяч. Его, конечно, уже толкали, даже пинали, но мяч!.. Он сразу же проснулся и уже готов был горестно вопрошать неведомо кого, за что же судьба так жестока к нему, но неожиданно понял, что градус тоски не тот. Уже не тот, хотя минуту назад... Что же происходит? Тут Эдмонд заметил у стены мяч. Красно-синий, он словно купался в свете летнего солнца.

Мяч ещё не остановился, он перекачивался туда-сюда. Он словно содержал какой-то заряд: от него прошли весь сон и тоска жирафа. К мячу уже бежали два ребёнка лет по пять: девочка и мальчик.

Только теперь он заметил, что недалеко от него на лавочке сидели две молодые женщины, увлечённые разговором. Одна худая, бледная, с хвостиком жидких волос. Вторая крупнее с нарочитыми какими-то кудрями и яркими губами. Значит, гуляют с детьми. Мальчик подбежал первым и схватил мяч.

— Отдай! – крикнула девочка.

Мальчик без лишних слов отдал мяч.

— С тобой даже играть неинтересно! — заявила девочка. — Не буду я завтра с тобой дом строить. Ко мне завтра Вадик придет. Он бы мне не дал мячик, а я бы у него всё равно забрала, а он бы мне не отдал. Вот бы поиграли! Мама говорит, что он настоящий принц! А ты не ходи за мной, я к маме пойду.

«Принц»! Что бы она понимала, глупая девочка! Жираф Эдмонд неожиданно почувствовал жалость к маленькому мальчику, который всё так же, не произнося ни слова, стоял перед ним. Девочка убежала. Мальчик повернулся лицом к стене, в глазах у него стояли слёзы. Он забубнил:

— Вот всегда так! Всегда Вадик. Ну, и пусть Вадик сам с ней играет каждый день. Хотели дом строить, а она... Что ты на меня смотришь? — закричал он на жирафа.

И разрыдался. Жираф Эдмонд был ошеломлён. Мальчик обратился к нему именно к нему. Горе ребёнка казалось таким огромным, что жираф Эдмонд захотел помочь ему. Но как? Как помочь, если не можешь ни ободрить, не приласкать? Ситуация была безвыходной. От отчаяния жираф Эдмонд разрыдался. Он плакал где-то внутри, сочувствуя маленькому мальчику, и вдруг услышал, что ребёнок уже не плачет. Мальчик смотрел на него во все глаза, а потом произнёс:

— Не плачь так. Мне уже хорошо.

Утёр кулаком нос и ушёл.

Жираф Эдмонд больше не смог вернуться в своё скорбное забытие. Каждый человек стал вызывать в нём интерес. Он больше не был свидетелем чужой жизни, он был её участником.

Ольга Катыхшева

Данечка и пирожки

Я — репетитор по математике. Данечка — первоклассник. Его привела ко мне мама со словами:

— Что-то у нас с математикой совсем никак! Я начинаю орать через пять минут, а папа еще раньше.

«У нас» — это про папу с мамой, хотя мама имела в виду другое. А про «орать» — ситуация типичная.

Так начались наши регулярные встречи с Даней.

Однажды нам нужно было решить такую задачу: «Бабушка положила на тарелку 5 пирожков. Два пирожка съели. Сколько пирожков осталось на тарелке?»

Даниил начал гадать:

— Хм, пять плюс два или минус два?

— Дань, а давай нарисуем эту задачку, — предложила я.

Сама думаю: он нарисует 5 пирожков, два из них я закрою пальцем, «съем». И все. Данилка все поймет.

Но не тут-то было. Даня начал:

— Было, — произнес он, и быстренько так нарисовал 5 овалов, то есть пирожков. Затем старательно провел под этим рисунком черту. Сказал: «Съели», и нарисовал под чертой еще два пирожка. И тоже старательно подчеркнул.

После такой картинки даже ко мне прокралось сомнение: так 5 плюс 2 или минус 2, ведь я вижу перед собой 7 нарисованных пирогов.

Опаньки! Так как же мне объяснять-то теперь? А Данечка сидит себе, ножками болтает. Довольный такой. Он же все сделал, как в школе учили: было, съели, стало.

Тут до меня дошло, что в Данииловой голове румяные душистые бабушкины пирожки — это одно, ПЯТЬ пирожков из задачи — это совсем другое. Это вообще из разных миров. Первые можно есть, нюхать,

перекладывать из руки в руку, если они горячие. А вторые можно только плюсовать или минусовать.

Когда я это поняла, мы с Даней стали конструировать задачи с разными предметами и игрушками. Спустя пару занятий перешли к рисункам. Сначала рисовала только я. Когда Даня понял, что все задачи про обычную жизнь, стал отлично справлялся с этим сам.

Да, с той задачей Даня сам справился. Просто я взяла тарелку, положила на нее 5 кусочков батона (пирожков), и два кусочка мы съели.

Роберт и кофе

У Роберта было две отличительные черты. Во-первых, он варил божественный кофе в маленькой кофейне на Манхеттене. Там не было стульев, и кофе предполагалось сразу же уносить с собой. Все происходило так быстро, что посетители даже не успевали заметить, кто именно варил их любимый напиток. Они называли заведение «Кофейной точкой». Название себя оправдывало: «точка» была столь крохотной, что было совершенно непонятно, как внутри умещался не то что человек, а хотя бы дневной запас молока, кофе, сахара и бумажных стаканчиков.

О второй же черте Роберта никто не знал. Да она и никак не помогала его работе, поэтому он ее не афишировал. Роберт знал наизусть все путеводители, какие только можно было найти в книжных Нью-Йорка. От Рио до Мадагаскара, от Аландских островов до Новой земли — все умещалось в его голове. Роберт мог мгновенно назвать любые достопримечательности, расстояния между городами, рестораны, звездность каждого упомянутого отеля и год постройки любого выдающегося собора в Европе. При этом он ни разу в жизни не покидал Нью-Йорка.

Однажды из череды посетителей выделился один. Он приходил без четверти одиннадцать, когда офисные сотрудники и вечно опаздывающие студенты уже схватили свой горячий стакан и разбежались по офисам и классным комнатам, но еще не созрели выйти на ланч. Богема к этому моменту не успевала выйти из дома, а богатые бездельники выбирали более респектабельные места. Словом, в это время посетителей было крайне мало. Тем удивительнее было наблюдать одного и того же человека в одно и то же время. На вид ему можно было дать и 25 лет, и 40. Определить его род деятельности, уровень дохода и даже национальность также было затруднительно.

Незнакомец был высок, худощав, в черных кучерявых волосах едва намечалась седина. Одет он был небрежно, но не без шика — вельветовые брюки, спортивный блейзер брусничного цвета, удобные ботинки из твердой блестящей кожи. И неизменная сумка через плечо. В паре слов, которыми они с Робертом обменивались для заказа кофе, чувствовался легкий акцент, но какой именно, бариста никак не мог распознать. Но что было самым удивительным, незнакомец не уходил. Он спокойно брал свой стаканчик, никогда не добавляя в кофе сахар, закрывал крышкой и стоял, любясь невзрачным видом из окна, пока напиток не заканчивался. Он никуда не торопился.

Роберт никак не мог понять, что так занимало незнакомца. Кофе можно было пить на ходу, или в сквере на лавочке за углом, или просто на улице. Но что заставляло незнакомца оставаться внутри «Кофейной точки», занимая собой решительно все пространство кофейни — неясно.

«Тебе стоит съездить в Сан-Мишель», — услышал Роберт через две недели почти ежедневных посещений. Бариста решил не реагировать. Мало ли, может быть, незнакомец говорит сам с собой. Тут в кафе попыталась ввалиться группа школьников, наверняка прогуливающих экскурсию в музей. И незнакомец исчез.

На следующий день поступило предложение съездить в Сан-Паулу. А затем в Исфаган, Брешию и Кейптаун. И много куда еще. Каждый день — новое место, вызывавшее у Роберта целую волну ассоциаций. Он мог с точностью выдать название, год, место издания путеводителя, страницу, где рассказывалось про какую-нибудь Иорданию, и далее по тексту все подробности. Но зачем? Что хотел от него незнакомец?

«Я никуда не езжу», — наконец-то ответил Роберт. «Ну и зря», — последовал ответ. «Кому, как ни тебе, следовало бы изучить весь мир на собственном опыте».

«Но у меня есть дело тут», — заметил Роберт. — «Твое дело можно развернуть где угодно. Я вот занимаюсь делом в любой точке мира, и ни разу еще не пожалел». — «Чем же вы занимаетесь?» — подивился Роберт. «Я фотографирую», — ответил незнакомец. — «Этой весной я снимаю кофейные заведения Манхеттена для журнала. Я уже почти закончил, и с уверенностью могу сказать, что твой кофе лучший. Такой кофе пришелся бы к месту везде, где бы я ни бывал — что на побережье озера Баллатон, что на французской Ривьере».

Роберт задумался. Его «точку» и правда несложно возить с собой. Ему даже кофе-машина не требуется, он может варить кофе на плите, на газовой горелке, да хоть на костре в лесу. И заодно проверить, правильно ли написаны все эти путеводители.

Когда на следующий день фотограф пришел за привычным стаканчиком кофе, Роберта там уже не было, как и «Кофейной точки», словно они не существовали никогда: закрытая наглухо дверь, никакой вывески.

А Роберт отправился в Сидней, навестить свою двоюродную тетку. Как знать, может быть, оттуда он отправится в Египет, где когда-то на

строительстве Суэцкого канала погиб ее отец. Говорят, там варят кофе на песке. Интересно было бы этому научиться.

Анна Гариб

Ураган Афиф

Однажды с Юга в город примчался Ураган Афиф. Он так спешил заявить о себе, что по дороге оббил все коленки. Ворвавшись в город, громко прокричал:

— А вот и я! Я прибыл!

Но люди почему-то не придали его появлению никакого значения и продолжали заниматься обыденными делами.

— Что-то ветер разыгрался, — заметил только один старик.

— Что??? Ветер? Да я... я не Ветер! Я Ураган! Я внебрачный сын вашего, как вы там говорите, Ветра! Я более продвинутый, креативный и свежий! Ветер — это вчерашний день! Вы знаете, где я был и кем я был? Вы еще узнаете!

Афиф очень обиделся и решил, что все это по причине того, что он новенький. Сейчас он всем покажет! Сейчас все всё поймут!

Он начал стучаться в окна, но люди только наглухо закрывали их. Тогда он стал швырять красный песок на балконы, и люди долго убирались. Затем он стал сушить кожу людей и запутывать запахи в городе. Люди так устали, что попросили старца найти у Ветра защиты.

Старец пришел на поклон к Ветру и попросил наказать мальчика. На что Ветер, погладив свои серебряные волосы, ответил:

— Афиф имеет право делать то, что считает нужным.

— Но он позорит все ветровое семейство! Да, ты, Ветер, можешь быть суров! Ты можешь быть и в гневе. Но все мы знаем, что ты любишь нас. Ты по весне разносишь семена цветов, ты ласково треплешь по щеке во время полуденной жары, ты обрываешь листья осенью, а зимой разносишь снежинки. Как ты можешь позволить этому самозванцу не уважать тебя?

— Он не меня не уважает, а себя. Время покажет.

Афиф истерично летал по улицам и дразнил людей. Он требовал признания! Он обесценивал все вокруг. Он так хотел спорить, но все отвернулись от него! От ярости он надул красные щеки и лопнул.

Ветер сидел у окна. Ему было искренно жаль Афифа. Он даже не обиделся на самозванца. Слишком хорошо он знал мать Афифа,

высокую и стройную Амбицию, и полного, вечно потного отца
Неблагодарность.

Вопросы жизни и смерти не были во власти Ветра. Только любовь могла спасти Афифа. Придать ему глубину, обрести смысл и таким образом оставить на Земле.

Но Афиф так и не посмотрел на белокурую девочку с грустными глазами, что пальцем рисовала послания ему на красном песке. Ну почему хорошие девочки всегда выбирают самых плохих мальчиков и дарят им свою любовь?

Хотя... Ветер и вправду находил Афифа свежим и креативным. Он мечтал в компании Афифа позапускать воздушных змеев. У Ветра есть все: мудрость, задор и свежесть. Ему ничего не нужно. Он просто хочет видеть Афифа счастливым и чувствовать его любовь.

Афиф может вернуться в любой момент. Ветер будет ждать его.

Только Афифу нужно заново родиться, с Сердцем и Уважением к людям.

**

Душа Афифа сидела у окна, прижавшись к стеклу.

— Да! Да! Да! Афиф хочет родиться и как можно быстрее! Он уже готов! Чего же ждать? Ох, уж эти правила! Время для размышлений! Для выбора родителей! Еще и план следующей жизни представить! И Миссию?

Да почему же все так сложно? Афиф не был ленив, он любил действовать! Афиф летал, кричал, он не сидел, сложа руки, перед телевизором. Он делал все в точности так, как делали его родители.

Непонятно только почему всего лишь одна девочка была влюблена в него. Он рассчитывал на весь город, вернее, на каждую девочку в городе! Вот он летит... и все девочки на балконах рисуют ему сердечки на песке. Вот это картина! Вот так должно быть! Ведь он этого заслуживает! Он чертовски хорош! Один только его взгляд чего стоит! А взгляд у него — от матери Амбиции. Полный полета будущих побед, признаний и пренебрежения к остальным. А что? Он лучше всех! Он лучше всех знает! Да, он молод, но талантлив от рождения.

Отец никого не уважал и не благодарил. Рот отца никогда вообще не закрывался, он только и рассказывал, что и как другие делают не так. А мать слегка свысока кивала отцу в знак согласия, но его она тоже не особо уважала.

Афиф вообще-то не понимал, почему он лопнул. Это было глупо и случайно. А теперь он вынужден ждать и думать, что он будет делать в следующий раз. А что ж тут думать? Он будет продолжать: летать, кричать, клеветать на Ветра, ведь по-другому, если хочешь преуспеть, просто не получится.

Как скучно ждать...

О каком Уважении думал Ветер? Афиф ничего не знал об Уважении. Похоже, что его, Афифа никто и никогда не уважал. Как же он сможет уважать других, если не даже не представляет, что это такое? Ветер прав. С практической точки зрения, чтобы преуспеть, нужно выбрать других родителей: Мать – Уважение, а отец – Благодарность. И посмотреть, что из этого получится. Еще он полетит и посмотрит на девочку, которая влюблена в него.

Почему она думает о нем? Понятное дело, он этого достоин, но почему она не думает о себе, как думает о себе сам Афиф? Какая странная девочка. Если бы не Ветер – он вообще бы не обратил на нее никакого внимания. И что эта девочка была готова просто так, без всяких гарантий, терять свое время – думать о нем. Мечтать... Но почему?

Он прилетел в девочке, сел на подоконник и стал мысленно задавать ей свои вопросы.

А девочка ответила, что любовь – это такая сила, которой все под силу. — Ну, прям уж все, хотел было расхохотаться Афиф, — а то, что я тебя даже не заметил, тебя совсем не волнует?

— Как это не заметил? — удивилась девочка. — А что же ты тогда делаешь возле меня?

— Ну, я совершенно случайно о тебе узнал. От Ветра, — настаивал Афиф.

— В любви случайностей не бывает. Ты возле меня, — ответила девочка.

— Но я ничего не чувствую к тебе. Я сейчас улечу и забуду о тебе, — начал дразнить Афиф.

— А ты попробуй, — сквозь слезы сказала девочка.

Афиф фыркнул и улетел. Он летал по городу и от нечего делать стал заглядывать в дома. Смотрел на людей. В одних домах жили так же, как его родители. В них было как-то неуютно, хотя очень эффектно и модно. В таких домах жил Сквозняк и беспокоил своих домочадцев. Они болели и страдали от депрессий.

В других домах, где родителями были Уважение и Благодарность, царил покой и безмятежное счастье. Сначала жизнь в таких домах показалась Афифу пресной. Но чем чаще он заглядывал, тем больше понимал, что в таких домах есть корни, они-то и делают домочадцев счастливыми и наполненными.

Потом Афиф стал чувствовать, что ему самому чего-то жутко не хватает. Странно.

— Наверное, я хочу быстрее родиться. Как это невыносимо — ждать!

Но эта мысль не удовлетворяла Афифа. Чего-то очень не хватало. Чего-то очень важного.

Афиф отказывался принять тот факт, что девочка, как магнит, манила его.

— Нет, нет, нет. Это не для меня. Я люблю фурор, признание, победы! Эта монотонная жизнь не представляет для меня никакого интереса.

Устав от непривычных размышлений, Афиф заснул.

Ему приснился сон: его признали, весь город рукоплещет ему, все девочки в городе влюблены в него и пишут письма на песке. И так каждый день. Каждый день. Каждый день.

Афиф проснулся в холодном поту. Что-то тут не так. Желанный ранее Триумф стал теперь казаться чем-то очень муторным и заурядным. Афифу захотелось познать что-то неведомое, затягивающее, пугающее, обжигающее, глубокое, имеющее смысл и вдохновляющее надолго.

— Это Любовь! — Сказал Ветер, наблюдая за размышлениями Афифа. — Афиф готов к новому рождению!

Не успел Афиф опомниться, как он уже родился в семье Уважения и Благодарности, и по соседству жила та самая девочка.

— Как прекрасен этот мир! Как я благодарен, что наконец-то родился. Какое все волшебное вокруг! Как мне хочется летать, запускать воздушных змеев в компании Ветра и поиграть с волосами моей восхитительной соседки.

Душа Афифа радовалась и танцевала. Наконец-то она нашла то, что так долго искала: она предвкушала, что в этом воплощении она получит любовь, уважение, покой и свою маленькую роль в Великой Вселенной.

Наташа Носевич

Ароматный и немного корицы

Для меня чашка горячего кофе — начало. Начало моего утра.

Каждый день я просыпаюсь раньше всех, иду тихонечко на кухню и начинаю готовить. Завтрак семье, а себе — кофе. Я отмеряю его ложкой в турку, заливаю водой, добавляю корицы. Жду, пока пенка поднимется, успеть словить момент.

Турку подарили мужу, она его дедушки. Для меня она визуально совершенна. Латунная, в такую мелкую крапинку, по которой видно, что уже много лет она не стоит без дела. Деревянная ручка выпадает из металлического держателя. Муж рассказывал, что турку частенько опускали на время в воду, чтобы ручка разбухла и перестала выскальзывать. Ей помогало, ненадолго. А потом она снова рассыхалась.

Я снимаю за ручку аккуратно, помня про ее изъян, держу через прихватку за металл, наливая в кружку. Мне нравятся и турка, и её история. Потом я держу в ладонях чашку, и смотрю в окно на город, мы живём высоко и на краю города. Я вижу, как люди бегут, стоят на остановке, едут машины.

Иногда я с чашкой наблюдаю пустоту внизу. Никого. Мир уснул и мы тут одни, или может мгла поглотила город. Апокалипсис и всё такое. Мгла — это когда туман, и земли не видно, и домов соседних не видно. Один в высоте с чашкой кофе перед окном. Ни человека на весь обозримый с 17 этажа горизонт — это, конечно, редкость. Просто сейчас холодно и выходной.

Обжигающий глоток, вкус кофе и легкий запах корицы, тепло ладоням. Это моё время.

Тина Горючева

Коричневка

В ямке у горла у Альки лежит яблоко. Алька давно за ним следила, еще когда яблоко зрело на ветке, уходящей в соседский огород. Уже тогда вид у яблока был многообещающий. Считалось, что нечего яблоки рвать, они сами падают, поэтому Алька ждала. А когда дождалась, то вытряхнула жирного червяка из идеального во всех других отношениях яблока, и устроила его у себя под подбородком. Коричневка пахнет особенно, как никакие другие яблоки. Так сладко, так терпко, что уже по запаху знаешь, как будет медово во рту от ее рассыпающейся мякоти.

Алька заслуженно отдыхает, лежа на раскладушке под той самой яблоней и втягивая носом аромат коричневки. Она собрала всех жуков с картошки, поотрывала листики с личинками и все это залила соляным раствором, как велела бабушка. Теперь у нее есть время поразмышлять. Алька недавно поняла, что может видеть молекулы. Она лежит, прикрыв глаза так, чтобы свет приглушался ресницами, и рассматривает эти молекулы, плавающие у нее перед глазами. Интересно, почему они все такие прозрачные, думает Алька. И что это за молекулы такие? Скорее всего, воздуха, который застревает между ресницами...

Не отвлекаясь от изучения молекул, она слушает, как бабушка что-то говорит о капусте, а мама ей отвечает. У мамы всегда такой особый голос, когда она говорит с бабушкой, такой пионерский, такой звонкий! Похоже, будто мамины предложения радостно подпрыгивают и виляют своими хвостиками. Алька прислушивается к их разговору и думает о том, что мама городская, и что ей, наверно, поначалу было непросто с бабушкой, у которой огород, корова и печка. А у мамы были брюки-клеш и стрижка боб, и все равно она носит воду ведрами поливать смородину, и руками стирает постельное белье каждую неделю. От этих мыслей Альке становится так жалостливо, что в носу начинает щипать, и все молекулы куда-то уносит. Она трет глаза и задумывается, то ли поделиться с мамой яблоком, а то ли раскрыть ей тайну своего дара видеть частицы, из которых состоит все на свете.

Я — рыба?

А я рыба, я рыба,
А я мясо в салате,
А я килька в томате...

Нет, не то. Я — совсем другое. Я про детство, про дом, про печенье только что из духовки. Про заснеженный пейзаж за окном. Немного про зеленую елочку в гостиной. И чуть-чуть — про давно желанную куклу в подарок. И, конечно, про домашний праздник. Про тот период, когда дом начинает оживать и наполняться всяким.

Сначала запах чернил невинно намекает на то, что из почтового ящика можно выудить конверт, а то и два. Затем сигаретный дым возвещает, что курьер привез что-то запечатанное в шуршащем пакете. В большой комнате вдруг засветилось окно множеством лампочек. По коридору потянуло хвойными иголками и смолой.

Но самое интересное начинает твориться на кухне. Тяжелые пакеты с покупками, оттаяв от уличной озоновой свежести, начинают друг за другом рассказывать о своем содержимом. Из одного метелками торчит свежий укроп. Хвост красной рыбы — из другого. А когда все из пакетов пустят в готовку, ароматы будут наперебой сменять друг друга.

Соленый огурчик и селедка, теплый хлеб и жаркое. Но это всего лишь прелюдия, всего лишь ноты головы. Нота сердца же все еще впереди.

Я появлюсь только после того, как хрусталь с искристым шампанским отзвонит несколько первых мелодий. Бенгальские свечи обсыпят стол своими искрами. И пара смен тарелок вернутся обратно на кухню. Ваза с фруктами потеряет начальные очертания, ведь корочки мандаринов — последняя нота передо мной. Я — сердце десерта. Карамельного торта, залитого помадкой. Или иногда медовика со сливочным кремом. А порой и шоколадного пирожного с орешками.

Я — запах ванили.

Виктория Староватова

Морской этюд

Море... Просто видеть его голубизну и волны с барашками.

Просто слышать шелест пены и шум прибоя. Полной грудью вдыхать морской влажный солоноватый воздух и думать о чем-то вечном, безграничном и необъятном.

Расправлять плечи, вбирать в себя всю мощь морской стихии и покоя и благодарить Вселенную за то, что дает мне возможность купаться в этих ощущениях и навсегда сохранять в себе эту силу. Опять хочется на море, хотя бы на пару часов...

Посидеть на берегу или постоять на набережной... Кто-то тихо положил руку мне на плечо. Оборачиваюсь – никого, но он пытается говорить со мной. Он знает, что меня волнует в этот момент. Откуда он все знает?

Татьяна

Хна против J'Adore

Катя и ее мама собирались в гости к маминой однокласснице.

— Она была Королевой нашего класса! За право проводить ее до дома мальчишки соревновались: кто быстрее добежит до стенки и обратно, тот и провожает, — объясняла мама дочери. — Она была отличницей, сейчас у нее 2 высших образования!

Мама перемеряла десятки платьев и сходила в парикмахерскую. Она не рассчитывала затмить Королеву, просто хотела не упасть лицом в грязь. Дочери тоже купили новый наряд. В зеркале они смотрелись, как конфетки. Папа смеялся сквозь усы и подтрунивал над мамой. Папа учился в другой школе, не знал королеву, и хотел пойти в джинсах и свитере, но его переодели в костюм и галстук.

— А где она живет? — спросила Катя, представляя себе огромный замок или виллу за городом.

— Не знаю, сейчас увидим, — сказала мама, доставая оригинальные духи J'Adore. Эти духи стоили ползарплаты, и их купили только из-за Королевы (чтобы не упасть лицом в грязь).

Когда такси подъехало к обычному 9-этажному дому, в котором даже не было консьержа, мама была бледна. Папа держал ее за руку и шептал комплименты до самой двери в квартиру №36.

Между тем Королева принимала гостей, замотанная в туалетную бумагу и в тюрбане из мусорного мешка. На стеклянном столике в центре комнаты стояло изящное блюдо с аристократичными эклерами, а также закуски типа фуршет и огромная тарелка с пышными ароматными беляшами. На подоконниках стояли бутерброды, а в углу — мольберт с неоконченной картиной.

Некоторые гости пили шампанское из тонких бокалов и разговаривали о новой выставке в центре столицы. Другие были в джинсах и пили пиво с беляшами. Все забежали на минутку, сразу с работы. Лишь Катина мама была в вечернем платье в пол. Она была великолепна, ослепительна, прекрасна. Жаль, что оглушительный запах свежайших беляшей глушил тонкий аромат ее духов.

Смешная Королева сидела на диване в грязной футболке и серых спортивных штанах. От нее тоже шел непонятный травяной запах, который щекотал ноздри и вызывал желание чихнуть.

— Ап-чхи! — сказала Королева, широко открыв рот и закрыв глаза.

— Апчхи! Ап-Апчхи! — вторили ей гости, которым королевский чих стал официальным разрешением чихнуть со всей силы.

— Ну и аромат у этой хны — засмеялась Королева. — Не успела покрасить волосы до вашего прихода, а сидеть в этой целлофановой штучке нужно еще как минимум полчаса. И только те, кто доживет до конца вечера, увидят меня во всей красе!

— Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались! — сказал довольный дядька-здоровяк в розовой рубашке. — Сколько лет, сколько зим! Мы совсем не изменились за эти 15 лет!

— Дорогая наша, любимая Староста, — сказала sereneкая тетя в джинсах королеве. — Спасибо тебе, что позвала нас к себе домой. Здесь, в неформальной обстановке, так приятно забыть о должностях и прибылях, а вернуть то время, когда мы были детьми.

Все взрослые заговорили наперебой. Они вспоминали смешные истории из школы и дразнили друг друга. Мама ослепительно улыбалась. Папа с удовольствием ел бутерброды и пил пиво с мужем Королевы.

Тут и там раздавались тосты:

— Апчхи! За Старосту!

— За 11-Д! Апчхи! Будьте здоровы!

Катя убедилась, что с родителями все будет в порядке, и ушла в комнату к сыну хозяев квартиры играть на компьютере. Взрослые дурачились еще несколько часов: танцевали, пели в караоке гимн класса и танцевали.

Королева смыла хну, высушила волосы феном и надела джинсы. Она была рыжая-кудрявая, смешная и веселая, плясала, пела и говорила всем комплименты.

Провожая семью Кати в конце вечеринки, Королева обняла маму и сказала:

— Ты такая красивая, Лиличка, как будто из сказки. Красивее тебя не было никого во всей школе. Ты всегда была звездой нашего класса.

Марианна Яцышина

Голоса

Говорить по телефону — это мука, испытание почти всегда! Бездна интонаций, скрытых смыслов, явная и тонкая фальшь. Звуковые букеты, после которых думаешь: а надо ли вообще так вникать в звучание голоса?

Говорю с давней подругой, она любит подолгу играть в голос, это наслаждение, столько оттенков. Подыгрывать не пытаюсь, перехожу на усталость, спешу закончить.

Звуки, которые мы издаем, чтобы донести свое переживание, сами по себе как произведения, пусть не всегда удачное. Стала сравнивать голоса и интонации с картинами и даже с направлениями. Например, сочный, переливающийся, с легким надрывом — импрессионист.

А здесь жесткая графика, выверенная логикой и просчетом. Там милый теплый наив с забавными пропорциями, коты большие, а люди маленькие и летают.

Или безвкусный маньеризм, склонный к позе и цитате. Лаконичный петроглиф, знающий цену времени с хорошим вкусом.

Пронзительный фаюмский портрет взгляд в самое сердце. Встречаются изломанные линии авангарда, болезненный поп-арт, прозрачность акварельных набросков.

Человеческий голос в его многоликих звучаниях меня сводит с ума, превращает в легкую дрожь простой телефонный звонок, где буднично: «Привет, ты как, у нас опять растаял снег, я еду домой», откликается симфонической историей, перекладывается на язык изображений и будоражит. Голос в телефоне усилен пространством, мириадами сигналов, каких-то невидимых проводков, эфирных волн, он мчится ко мне внутрь, чтобы взорваться в красочные образы и раствориться, исчезнуть в них.

«Привет, ты получила мою фотку, мы в парке танцуем, да без музыки, я кажется, снова в него влюбилась...»

Успеваю подумать: Врубель, нет, Валентин Серов «Похищение Европы».

— Ты меня слышишь? Ты где?

— Да, слышу, все хорошо, не забудь, завтра в девять.

Анна Гариб

Что запахи рассказывают мне?

У меня маленький нос. Мама говорит, что сразу видно, когда я сержусь. У меня раздуваются ноздри до невероятных размеров и дышат как два огромных круга. Они так сильно вдыхают и так много говорят о том, что происходит вокруг, что было время, когда я даже хотела поменять свой нос. Сейчас мы с носом — друзья. Он стал для меня ковром-самолетом. Куда хочу — туда лечу.

С запахами виза не нужна. Свежесть ветра позовет меня выбросить все старое и ненужное. Пошире открыть окно и вдыхать, вдыхать... ловя щекочущее чувство перемен, путешествий и ароматов...

Буритос — и я слышу:

— Ола!

Ритуальные танцы индейцев. Пирамиды Луны и Солнца, священный Тео тукан и вальяжный Акапулько с опасными волнами Тихого океана.

Аромат каркаде перенесет меня в Каир. Неспешный Нил. Мечеть. Самый шумный базар в мире.

— Мархаба! Желаете кальян?

С запахом пустыни я перенесусь в долину Гизы. Поброжу среди пирамид и услышу гул Вселенной.

Замерев возле Сфинкса, попрошу передать мне хоть немного мудрости веков.

Вдыхая аромат Ланкома, я услышу:

— Бонжур, мадам! Сава? — Брожу по первому этажу Галери Лафайет, рассматривая новинки от Dior и Chanel. Спускаюсь совсем немного вниз. К Лувру. Полюбоваться Венерой Милосской и заглянуть в Ассирийский зал. Как бы я хотела оказаться в Вавилоне! Опьянеть от запаха эфирных масел и заглянуть в глаза магам!

— У нас так не принято. Станьте в очередь! — услышу я на немецком, вдохнув запах горячего глинтвейна с корицей.

Запах зеленого чая. Зеленого шоколада из чая. Я — в Токио.

Иду по центральной улице Гинза и чувствую себя инопланетянином в толпе японцев.

— Аригатооо! — поклон швейцара в униформе. Японец будет громко приветствовать меня и кланяться столько раз, сколько по ошибке я открою одну и ту же дверь большого магазина.

— Какое чувство долга! — удивлюсь я.

Уловив запах сыра фета, я увижу стройные марширующие ноги гвардейцев в белых колготках возле Парламента в Афинах. Побегу наверх, к Парфенону! Чтобы увидеть гору, с которой говорил Сократ.

— Калимера!

Запах жареных каштанов повезет меня в Стамбул. Этот город мой. Хотела бы я родиться в Стамбуле. Ведь не случайно и не раз подходили горожане разрешить их спор: а не турчанка ли я? Как мне хотелось им ответить:

— Привет, я из Стамбула!

Но как бы я тогда росла без русской литературы?

— Ах! Хорошо все, как оно есть! Я бы надолго осталась здесь, в Стамбуле!

Но нос уловил сырой запах дождя... я в Амстердаме.

Свежесть ощущения жизни. Велосипедисты. Я прыгаю на одной ноге возле музея Ван Гога. Здесь можно все! Ведь здесь свобода!

Дождь переносит меня в Лондон. Мне нужно срочно в антропологический музей! В нем — статуи с Афинского Парфенона. Хочу представить былую красоту и прогуляться по Парфенону.

Запах благоухающего сандала, сложенные на груди руки женщины в сари.

— Намасте!

Шумный железнодорожный вокзал Дели. Спящие прямо на асфальте люди. Поезд. Я в Агре. Тадж Махал. Я подозревала, что он фееричный, но не настолько! Волшебно парящее в воздухе кружево из белого камня! Тадж и много-много храмов вдохновят меня кружиться, как в танце Шивы.

Запах горячего шоколада перенесет меня в Венецию.

— Бонжорно!

На Площади Сан Марко в одном из кафе играет оркестр. Моя любовь к музыке попросила отказаться от ужина и на все деньги заказать чашечку горячего шоколада. Я сажусь за столик во втором ряду от оркестра. Прохожие рассматривают меня. Кто эта девица, которая может так спокойно сидеть и пить горячий шоколад за такие деньги? Мы тут уже полчаса стоим и ходим, слушаем музыку бесплатно, но заказать в кафе напиток может кто-то либо сумасшедший, либо очень богатый. А вот и богатые прибыли: двое японцев устроились в первом ряду.

Дирижер, подмигнув мне, приказал оркестру сыграть что-то испанское. По окончании он повернулся и посмотрел на меня. Чего он хочет? Я смотрела на него, не моргая. Тогда, взмахнув дирижерской палочкой, он всем своим видом показал «сейчас»!

Заиграла другая мелодия, потом еще и еще... каждый раз он поворачивался и спрашивал меня взглядом. С седьмого раза, сощурив глаз, приказал сыграть «Очи черные». Я не выдержала и разулыбалась. Дирижер довольно махнул рукой, сменив этническую музыку на Чайковского.

Так вот какую игру он со мной затеял? Было очень приятно ощутить, что последние полчаса играли только для меня, и вся остальная площадь слушала вместе со мной. Мне не хотелось уходить! Но было слишком поздно. Я медленно поднялась по винтовой лестнице наверх, в свою комнату.

А сейчас я хочу вдохнуть запах своей подушки и сладко задремать. Столько впечатлений и стран за сегодня! Взгляну на фиолетовый шарф, улыбнусь. Я — в объятиях Морфея. Спокойной ночи! Сладких снов!

А у вас есть истории с запахами?

Ольга Крыщенко

Запах

Был промозглый и бесснежный декабрьский день, почти вечер. Я вставила ключ и открыла дверь кабинета.

— Привет! Приятно познакомиться, я — запах! — сказал кто-то.

— Кто? — Я переспросила, удивляясь.

— Ну ты что не знаешь запахов, что ли? — этот кто-то обиженно пробурчал.

— Разговаривающих запахов не знаю, — осторожно ответила я.

— Запахи всегда говорят, только вы, люди, не всегда можете слушать, не отвлекаясь на обоняние, — вежливо объяснил мой собеседник.

Для меня как будто все встало на свои места — нос был заложен с утра и температура, похоже, поднялась высокая. Я приехала сюда, в кабинет, потому что «кровь из носу» нужно к завтрашнему дню отправить результаты тестов, а они у меня все хранятся тут в бумажном виде. В кабинете психолога, ибо я есть психолог. А сегодня я заболевший психолог с температурным бредом, с запахом вот говорю.

Нашла тесты и собралась ехать обратно. Но на глаза попались часы и перед внутренним взором возникла мучительная картинка с изображением меня больной в метро, да еще в час пик. Это видение заставило сесть в кресло. Кресло большое, обнимающее и покрытое теплым оранжевым пледом. Я укуталась и решила чуть расслабиться.

— Позволь мне рассказать тебе, — снова раздалось рядом.

— Угу, позволяю! — милостиво разрешила я и прикрыла глаза. — Бред так бред!

— Я — запах, а где-то у тебя в сумке лежит красная помада. Я долго-долго ее искал, но враги все время разлучали нас.

— И что? Спросила я, выпутываясь из пледа и дотягиваясь до сумки. Достала красную помаду, открыла. Тишина.

Интересно, почему я до сих пор не чувствовала, что моя помада так вкусно пахнет?

Герой

— Кто твой герой?

— Кажется, карандаш.

— Расскажи про него.

— Художественный... графитовый... Такой толстый, знаешь, целиком состоящий из графитового стержня в защитной пластиковой оболочке. Производства компании «Faber-Castell».

— Это важно?

— Думаю, да. Это хороший бренд. Гарантированное качество. Без осечек.

— Где он живет, что делает? Что и кто его окружает?

— Он... он работает в чертежной конторе. Его окружает множество других персонажей. Педантичная Линейка, строгие Настенные Часы по имени Слава. Другие карандаши, чертежные, обыкновенные, зато их много, и у каждого своя «профильная твердость». Хорошие, в общем-то, ребята. Душевные даже. Иногда.

— В чем проблема твоего героя?

— Он... думает, что он ни на что не годен. У него плохо получаются чертежи. Над ним не смеются, но... сочувствуют, кажется. И обмениваются понимающими взглядами за его спиной.

— Что происходит дальше? Что меняет его собственное представление о нем самом?

— Однажды в гости к Инженеру (который работает в чертежной конторе и пользуется всеми персонажами моей истории) приходит Архитектор и приносит с собой Блокнот-молескин и Перьевую Ручку. Блокнот полон рисунков и набросков, которые вызывают недоумение и даже насмешки обитателей Чертежной Конторы. «Кто же так чертит!» Перьевая же Ручка вообще кажется им какой-то... эксцентричной личностью. И только мой Карандаш с упоением рассматривает содержимое Блокнота и слушает рассказы пришельцев о их жизни.

— То есть, твой герой начинает понимать, что есть и другая жизнь, кроме жизни в Конторе, и другая работа, кроме черчения по линейке?

— Да. Но есть еще один эпизод...

— В чем его суть?

— Архитектор спорит о чем-то с Инженером и, чтобы лучше объяснить свою точку зрения, просит дать ему бумагу и карандаш... Мой герой попадает к нему в руки, и с его помощью вдруг рождается великолепный рисунок. Он наконец все делает правильно и практически безупречно!

— То есть, он теперь знает свой потенциал, на что он способен.

— Да. И после этого дня его жизнь в Конторе становится невыносимой. Он убегает. Дальше у меня тупик.

— Почему?

— Потому что как-то многовато счастливых случайностей попадает

ему на пути, которые и приводят его, наконец, в руки Художника, с которым он, наконец, обретает гармонию и творческую самореализацию.

— А что тебя в этом смущает?

— А разве... в жизни так бывает? Случайно попал туда-то, случайно оказался там-то, случайно был замечен тем-то...

— Когда ты понимаешь свою суть, предназначение и четко начинаешь понимать, куда ты хочешь двигаться — только так и бывает. Просто поверь мне.

— Я постараюсь. Что у нас дальше по плану?

— Выдели три основных физических характеристики твоего героя и опиши их слабые стороны, а также условия, при которых эти характеристики могут быть потеряны или повреждены.

— Хм. Графит — твердый материал. Но хрупкий. Его можно стереть в крошку, например с помощью наждачной бумаги.

— Хорошо, еще?

— Мой герой блестящий... Но это блеск легко теряется от небрежного использования. Также он имеет форму стержня, а это значит, что если приложить к нему силу в неправильном направлении, надавить на него, его можно легко сломать...

— Почти как тебя?

— Что? Ты сказала не думать об этом и параллелей с собственной жизнью не проводить.

— Конечно, извини, продолжай, пожалуйста.

— Ну вот, три качества и их слабости. Что делать дальше?

— Дальше подумай, как ты можешь трансформировать эти качества-свойства или усилить их, чтобы герой больше не мог подвергнуться выше описанным тобой опасностям.

— Эээ... как насчет «завернуть героя в мягкую тряпочку и спрятать в коробочку»?

— Не годится. «Пуленепробиваемые доспехи» тоже не пойдут. Тебе надо качества героя трансформировать а не прятать его от мира. Думай. Ты все сама уже знаешь.

— Ну, если мы возьмем за точку отсчета твердость графита... и попробуем сделать его еще тверже...

— Тааак?

— погоди. Графит, если отбросить детали, это углерод ведь, да?

— Ага.

— А если мы усилим твердость углерода, то есть изменим структуру кристаллической решетки, то это уже будет не углерод...

— Ага?

— Это будет... Алмаз?

— Именно. Трансформируй теперь остальные качества.

— Ну... с формой легко, раз Карандаш теперь Алмаз, то быть ему теперь чем-то менее удлиненным. Каким-нибудь додэкаэдром. Правда, тогда он

уже будет Бриллиант.

— С гладкостью поверхности что будешь делать?

— Бриллиант, в принципе, реально поцарапать. Сложно, но можно, с этим я ничего поделывать не могу. Только если вставить его в оправу какого-нибудь массивного перстня, пожалуй.

— Годится.

— И что теперь?

— А теперь скажи мне, как ты думаешь, какова функция твоего героя? Какова его работа, «должность»? В чем его ценность?

— Ты смеешься? Да он бесценен сам по себе прежде всего! Он может иметь кучу функций, от символа власти до фамильного украшения, которое передают по наследству! В нем отражаются миры, он сверкает даже в темноте; он украшает, он символизирует, он вдохновляет! Сотни смыслов, сотни значений!

— Итак, наш исключительно функциональный предмет-инструмент Карандаш Художественный превратился в предмет-символ Бриллиант в оправе, чьи функции многогранны и совершенно не утилитарны, и чья ценность не зависит от того, насколько хорошо он выполняет ту или иную работу. Так?

— Выходит, что так.

— И что ты теперь будешь с собой делать?

— Сиять... В далекой перспективе. Пока, мне кажется, стоит начать с «увеличения твердости материала», огранки и полировки.

— Ну так чего же ты ждешь, бесценная?

... Я откинулась на спинку стула, удивленно уставившись в монитор. Все сходилось. Нелюбимые, бестолковые работы, неуклюжие и будто случайные успехи, регулярные провалы и неудачи. Я пыталась чертить по линейке свою «карьеру» и вести достойную жизнь трудолюбивого карандаша, чтобы однажды с чувством выполненного долга уйти на пенсию эдаким заслуженным коротеньким огрызком. Зато по совести. Только вот что-то не сходилось. По линейке чертилось мне плохо, и жизненные неудачи, увы, не делали меня сильнее, как им по идее положено, а лишь надламывали мне что-то внутри, как ломает твердую графитовую сердцевину неправильно приложенное усилие.

Но это все больше не про меня. Словно отмершую кожу, я сбросила с себя оболочку, в которой прожила много лет, оболочку «должности», оболочку «специальности», «принадлежности», «ценности». Мое новое «я» было мне так ясно видно, что я рассмеялась от счастья.

Итак, отныне и до конца своих дней я буду сиять. Не сразу так ярко, как бриллиант, конечно. У меня впереди много работы: разобраться со своими трудностями, проработать свои слабые места, стать тверже,

сильнее, лучше, цельнее. Потом мне потребуется огранка и полировка. Придется подобрать и подходящую оправу.

Но я справлюсь. Потому что теперь я точно знаю — кто я и чего я стою.

Я — бриллиант. И я бесценна.

Ольга Катышева

Математический кружок

Я давно мечтала вести математический кружок для детей. Но в школу зовут работать учительницей, и тогда можно всё: вести любой кружок хоть платный (за деньги родителей), хоть бесплатный (за прибавку к зарплате). А так, чтобы только кружок – нельзя. Я обошла все детские клубы, что вблизи дома, с предложением себя. Администраторы говорили, как им нравятся мои идеи, записывали мой телефон, и этим все заканчивалось. Работать далеко от дома не могла по семейным обстоятельствам.

И тогда я решилась. Взяла и повесила на доске объявлений приглашение к себе домой детей из нашего подъезда. На «Игровой час» – так значилось в моем приглашении, с пояснением для родителей, что игры интеллектуальные.

После этого началось:

— Думаешь, кто-то отреагирует на твое объявление?

— Не знаю, может и не отреагирует, но надо что-то сделать, чтобы понять, чем это закончится.

— Ну что, съела? Никто в назначенный час к тебе не пришел.

— Ну и ничего, не сработало объявление, я лично приглашу.

Правда, приглашать лично мне не хотелось, потому что было страшно. Но Ванина мама сказала, что он присоединится с удовольствием. Юлю привела бабушка. Дима пришел с Юлей. Приглашала я только тех, кого давно знаю, хотя за последнее время в подъезде поселилось много молодежи с детьми подходящего возраста.

Так мой (наш) математический кружок, хоть и назывался «Игровой час», начал работать. Что мы на нем только не делали. Взвешивали, измеряли, угадывали, придумывали...

А внутренний диалог продолжался:

— В твоём кружке очень мало детей, ты же хотела человек 5-6.

— Теперь я знаю, что с тремя и даже с двумя детьми тоже интересно.

— Но ты же хотела заработать. А игры, которые ты купила для занятий, стоят больше, чем ты получила за свои занятия.

— Подумаешь, затраты не оправдались. Но зато я поняла, что не надо было трусить и тянуть время, тогда и занятий было бы больше. Это раз. Я протестировала многие из своих задумок, и осталась довольна результатом. На остальные просто времени не хватило. Это два. Ещё во время занятий мы все получали массу удовольствия. Потому что были и азарт, и чувство локтя, и соперничество, и любопытство и даже маленькие открытия (у каждого свои). И это три.

Но самое главное, что сбылся маленький кусочек моей мечты. И этот маленький кусочек превратился в обычный пункт плана последующих конкретных действий. А в голове уже всюду копошатся новые мечты.

Ольга Виноградова

Индустриальный город

Наш город индустриальный, нет в нём ничего примечательного. В нём более ста заводов (разной величины), пахнет у нас всей таблицей Менделеева, да так, что дышать порой совершенно невозможно. Больше рассказывать нечего.

Но в девятнадцатом веке в городе останавливался Великий русский писатель.

Он приезжал три раза и пробыл здесь в общей сложности двадцать один день. Или двадцать два? Для простого сибирского городка это, между прочим, не так уж и мало. Поэтому в городе есть Музей Великого писателя. Дорога к нему примечательна. Сначала необходимо оказаться на главной площади старой части города, на которой стоит теперь безликий пластиковый торговый центр, а за ним самое старое каменное здание города – бывшая казна, обращённая теперь в пивную.

От площади повернуть направо и пойти мимо высокой, совершенно лишённой окон, стены тюрьмы, пройти две многоэтажки, имеющие какой-то заброшенный вид, несмотря на то, что люди здесь живут, а дальше идти по узкой пешеходной дорожке мимо деревянных мимо деревянных домиков с небольшими огородами. Улица эта внушает тревогу. Некогда это была главная улица города. Но те времена давно прошли. По этой дороге в мае я бегала на две репетиции в Музей Великого писателя. Оба раза шёл дождь, было холодно, и я добегала туда совершенно замёрзшая и насквозь мокрая. К «Ночи в музее» готовили представление с незамысловатой структурой: три маленькие сценки из произведений Великого писателя. Но пятнадцать раз за один вечер. В день выступления ярко светило солнце, а меня на этот раз подвезли прямо до ворот.

Музей представляет собой маленькую избушку. Внутри, конечно, никаких личных вещей Великого писателя. Какие вещи? Помните про двадцать один день в городе? Зато внутреннее убранство пространство поражает: стен избушки торчат очень выразительные деревянные скульптуры – образы его произведений. Через дорогу стоит двухэтажный деревянный дом купца, имя которого знают только сотрудники музея. В этом доме они и сидят. Там тоже музей с небольшой экспозицией старинной мебели. Не облакачивайтесь на рояль, ему больше ста лет. Осторожно, буфету сто пятьдесят. Нет-нет, только не зеркало. Стол тоже нельзя трогать. Но рано или поздно ты что-нибудь заденешь: слишком маленькие комнаты. А ещё низкие потолки и

маленькие окна. Климат в Сибири не позволял стоять дома с бальными залами. Тепло сохранялось только в небольших комнатах.

На выступление после рабочего дня я спешила с тревогой. Как можно после двух коротких репетиций выступать перед людьми? Я и текст, невероятно короткий, помнила отрывочно. Партнёра по сцене видела два раза по двадцать минут. Роль не вполне понимала. Или понимала. Как я, спокойная и рассудительная девушка, буду играть страстную эксцентричную героиню? Впрочем, именно эти роли всегда давались мне легче всего.

Все уже собрались. Актёры были частью сотрудники музея, частью участники нашей театральной студии. Все уже в костюмах. Время до первой группы зрителей ещё было, но я всё равно волновалась, когда надевала платье с кринолином и закалывала волосы. Потом по узенькой лестнице мы поднялись в зал, где должно было происходить действие. В очень маленьком помещении уже стояли рядами лавки для зрителей. Мы должны были играть в полуметре от первого ряда, у окон с низкими подоконниками. Это помещение и пугающую близость зрителей я отлично помнила.

В марте музей организовал театральный фестиваль. Всей своей студией мы сыграли общий спектакль. Прошёл он гладко. Немногочисленная публика была в восторге, а вот жюри сидело с каменными лицами. Но это было абсолютно неважно, мы получили огромное удовольствие. На следующее утро я играла моноспектакль. В нём надо было обращаться к публике, это не пугало, я уже делала так. Боялась я другого: я успела придумать себе множество идей спектакля, и теперь они начали путаться. Единой линии не получится, это я понимала. На месте оказалось, что жюри сидит вплотную к моим декорациям. В общем, начала я хорошо, но потом всё же потеряла линию, испугалась всё тех же каменных лиц и скомкала конец. Позор. Я хотела убежать, но меня перехватили и повели на разбор. Ничего хорошего я не услышала, ни единого слова. Наверное, это моя склонность к негативизму, ведь режиссёр-то слышал хорошие отзывы, да и я помню, как ко мне подходили незнакомые люди и благодарили за спектакль. Но ощущение полнейшего провала не покидало меня.

И вот то же помещение, та же каша в голове, и зрители сидят так же близко. Видно каждое лицо. Хоть я и участвую только в одной сценке, стоять всё равно приходится на «сцене», в позе, наиболее подходящей для роли, и пока до тебя не дойдёт очередь, ни в коем случае не двигаться. Первая группа зрителей – маленькие дети из детского дома. Они смотрят на всё широко открытыми глазами и молчат. Текст я не забыла, двигалась довольно свободно, от взглядов детей в обморок не

упала. «Нужно больше накала», — говорит мне режиссёр во время паузы.

Вторая группа — подростки. Они хихикают и перешёптываются. «У вас самое красивое платье», — говорит мне одна девочка, когда актёры и зрители фотографируются вместе.

Третье представление — уже взрослые. Вопреки всем своим ожиданиям, в их глаза я тоже могу смотреть. И получаю удовольствие. Четвёртое, пятое, шестое. Всё идёт хорошо, но мне кажется, я играю роль вульгарно. Нет, слишком просто. Нет, не знаю, как играю, но что-то не так. В паузах мы болтаем, делаем групповые селфи в костюмах в старинном зеркале. Седьмое, восьмое. Иногда среди зрителей попадаются знакомые.

Я знаю, что внутри должна чувствовать метания героини, её переходы от одной цели к другой, и я их чувствую, но словно издалека. Девятое. Сколько ещё осталось? Хочу спать, ноги устали, я переминаюсь, надеюсь, что под широким кринолином никто ничего не заметит. Хотя я стою так близко к зрителям, что они видят даже самое мелкое моё движение. За окном темнеет. Мы начинаем немного сбиваться. Режиссёр делает внушение. Ну, а если героиня не сразу обернётся, а сделает паузу. Может с паузой будет лучше. Десятое, одиннадцатое. Вот сейчас было неплохо, скорее бы домой. Двенадцатое. Во время паузы все сидят или лежат на лавках, на которых сидят во время представления зрители, смотрят в пустоту.

«Идут», — кричит кто-то, и мы снова принимаем позы, ждём своей очереди. Да, роль это моя, мне об этом сказало уже много людей. И я знаю, что выглядит всё неплохо, но чего-то не хватает. Тринадцатое. Четырнадцатое. «Что вы делаете? — зло кричит обычно миролюбивый режиссёр. — Возьмите себя в руки. Последний раз, и по домам». Он тоже играет роль, и устал не меньше, чем мы, я это понимаю, но всё равно обижаюсь.

Первый час ночи. Последний раз. Я должна выдержать, сыграть хорошо. Вот во мне нарастает вихрь, так, ещё немного, и я...

Я сегодня же должна покончить с этой жизнью. Сейчас же! Чего ждать? Еду с ним! О, какой стыд! Всё равно, всё равно, всё равно! Всё равно хуже этой жизни нет ничего. Глупец! А я бесстыдница! Пусть смотрят на меня все! Как же я устала от этих нелепых лиц. Я так решила. Едем! Да, всё так. Нет, не возьму я эти деньги! Мелкие люди! Я хохочу, хохочу над этой жизнью, этими людьми, на самой собой. А потом из глаз льются слёзы. Я прижимаюсь головой к маленькому окошку. Всё равно, что они думают. Всё равно.

Конец. Зрители расходятся, некоторые подходят и благодарят. Я словно видела всё во сне. Но в то же время знаю, что я играла, и понимаю, что это было хорошо.

Марианна Яцышина

Путешествие

Мы все выше поднимались по каменистой узкой тропе. Еще пару часов назад я была просто знакомой тетей, а сейчас уже стала оплотом уверенности и надежности для компании молодых и буйных охотников за летней романтикой. Спонтанно оказалась улыбчивым проводником и дружелюбной вожатой. А как было отвертеться, когда их родители мне хорошо знакомы, и отпустили своих отпрысков, потому что я как-то проговорила, что иду в ту же сторону, и в принципе нет проблем проводить ребят до заветного озера и попрощаться там с ними, отправившись дальше в горы по своим делам.

Звучит отпадно: а не пойти ли мне в горы по делам. Ну что делать, если я живу в горах, и местному жителю пойти в горы — это как москвичу в мавзолей Ленина, не часто, согласитесь, приходится, и уж точно сугубо по делам.

А тут вырвалась, можно сказать, в личный давно запланированный ретрит, наконец. И на тебе: веселая компания юных орущих индиго, которым не то, что море, ВСЕ по колено. Выдвигаемся с пританцовками под хипхоп... прямо то, о чем мечтала, когда договаривалась о своем отсутствии с работодателем, улаживала с родными, что на десять дней никаких волнений, никакой связи, я буду вне доступа даже мысленно.

Благо наш путь стал подниматься вверх, естественным образом появилось больше тишины, усиленно дышать и болтать невозможно, даже если тебе пятнадцать лет. После первого многочасового подъема остановились на обед, и мне окончательно стало ясно: ребята славные, кругом тайга, ретрит забываем, свой возраст и долг вспоминаем — и вперед, пока не найдется других вариантов, в чьи надежные руки передать молодую шумную поросль.

Третий день пути. Мы, продрогшие и взмыленные, голодные и уставшие, приходим к заветному озеру, там ждет наш общий товарищ, вернее сказать, он никого давно не ждет, все сами к нему идут, потому что живет человек у подножия прекрасной горы, живет круглый год. Суровый таежник. Но про компанию подросших детей наших общих приятелей предупрежден заранее. Он, кстати, один из тех, кому собираюсь передать из рук в руки свою расчудесную компанию.

Утро приходит с шелестящим о палатку нежным дождем и с чувством едва уловимой эйфории. Мы дошли. Я была примерной вожатой, улаживала все без криков, организовала самых заносчивых, вспомнила

свой переходный возраст и вечерами трещала о хэви-метале, цитировала «Мертвеца» Джима Джармуша, несла всякую ахинею, чем приводила в восторг публику.

Все позади, можно расслабиться и вспомнить, зачем я здесь, все отпустить, сделаться прозрачной и недоступной, больше не надо суетиться и волноваться. Иду к утреннему костру вся такая независимая и счастливая.

Очаровательный Павлик и зеленоглазой Ниночкой уже заваривают чай и бодренько мне так: «С добрым утром! Какой у нас сегодня план?». А я радостно в ответ: «У нас никакого, я в ретрит, а вы свои пару дней вволю отдыхаете и знакомой тропой вниз по домам». Ловлю мрачные взгляды. «Ты что, нас решила тут бросить?» «Я вас доставила до места, дорога назад ясна. Не бросить, а уйти по делам, душа знаете ли, просит одиночества, я давно готовилась, вырваться из ритма очень трудно» — это я уже оседаю и начинаю оправдываться. К костру подтягивается на утренний чай заспанный юный народ. «Ребят, а вы знаете, что мы сегодня остаемся одни?» — нарочито громко объявляет Ниночка. Вместо ожидаемого — «Вау, класс!» я, о ужас, слышу обиженные реплики и растерянные присвисты. Куда только подевались их недавняя самоуверенность, вызывающие мечты о кругосветном путешествии в стиле молодого Че Гевары. Повисает пауза.

Мы стоим среди ослепительных вершин, на зеленой терраске, под нами грохочет пепельного цвета поток горной реки, сиреневые от дождя ветки кедра доносят аромат Вечности.

Искристый живой костер поет и танцует под неимоверно горячее фламенко. Как впервые, вижу лица ребят, с которыми мы так трудно и долго поднимались, чтобы сейчас оказаться в этой Вечности. Ясные живые глаза, как, оказывается, люблю их всех.

Тишину прерывает Павлик: «А может все-таки вместе, а?».

Меня окончательно накрывает волной нежности и растерянности. Да, конечно, все было очень хорошо, и мы вместе, конечно, вместе, и вечером у костра вместе, и на прогулках по острым камням вместе, и вдоль бурлящей, как лава, реки и по сырому лесу, хмелея от запахов июльских трав, и по извилистым холмам, наполненным кузнечиками и шмелями. Я еще схожу в свой ретрит, еще отведу душу в одиночестве, на земляничных склонах поставлю палатку, буду встречать первые звезды и собирать горькую жимолость. А сейчас мы вместе, мы одна бесконечная семья. Уже не помню, вслух ли проговорила или все-таки молчаливо подала сигнал согласия, но уже через пару минут на нашей поляне раздавались знакомые вопли и возня.

А я все тянула ладони к огню, вспоминая строки из стихотворения: «...Я люблю Твой замысел упрямый И играть согласен эту роль...», силясь вспомнить продолжение.

Мы благополучно спустились в назначенный срок, я даже умудрилась развезти всех по домам и лично в руки родителей. Облегченно и радостно выдохнула.

Через пару месяцев встретила маму Ниночки. Она как-то внимательно меня разглядывая, сказала: «Давно хочу тебя поблагодарить за тот поход в июле, Ниночка много рассказывала, вспоминала, что ты такая грустная и несчастная была, что прямо ужас. Но дети тебя всячески веселили и наконец, растопили до полного счастья. Ниночка считает, что в следующем году, если тебя опять накроет хандра, тебе непременно надо с ними выбраться в горы. Что скажешь?».

Как настоящий индеец, не поведя даже бровью, бодро отвечаю: «Да почему нет, как вариант...». И как-то непроизвольно вспомнилось продолжение из Гамлета Пастернака:

«Я люблю
Твой замысел упрямый

И играть
согласен эту роль.

Но сейчас
идет другая драма,

И на этот
раз меня уволь».

Ольга Катышева

Морковь

Эта история произошла в сельском детском саду.

Мне было не больше пяти лет.

Нам построили новый детсад, в который я ходила перед школой всего 1 год, а история произошла еще в старом.

Люська подбежала ко мне и заговорщически зашептала:

— Там морковь. Хочешь? Пошли, покажу, — и потащила меня к забору.

Она ловко, как тетиву у лука, оттянула на себя горизонтальную доску, прибитую снизу.

— Видишь? Морковь. Держи доску!

В щелке и правда виднелся краешек грядки с молодой морковкой.

Я, подчинившись, перехватила у нее доску.

Люська потянулась за морковочкой и...

— А-а-а! — с той стороны забора ее схватили за руку.

Я продолжала удерживать доску. Своими пятилетними мозгами понимала: если отпустить — доска запросто сломает ей руку.

Пока с той стороны держали Люськину руку, а я вынуждена была с этой стороны держать доску, мои мозги включились окончательно. Я с ужасом поняла: мы — воры.

В деревне все знают всех. Нас с Люськой бабуля, хозяйка огорода, узнала по голосам.

Хорошо, что моя мама никак не отнеслась к бабкиной жалобе.

Мне и собственного стыда хватило с лихвой.

У нас все здороваются со всеми, даже с незнакомыми, даже если идешь по другой стороне улицы (улицы неширокие).

Так я с этой бабушкой 2 года не здоровалась (читай: обходила за версту).

Стыдно было.

А вот это мы в новом садике. Нам уже 6 лет.

Люська – Красная шапочка, а я — ее мама. На заднем фоне – родители и все деревенские старушки.

Постоянные зрители наших детсадовских выступлений по праздникам.

Виктория Староватова

Улавливатель снов

— Мне приснилось, что у нас родилась тройня: два мальчика и девочка... Такие милые! — произнесла я вслух, чтобы не забыть свой чудный сон.

— Надоело уже про твои сны слушать. Забудь про них... — пробурчала дочка спросонья.

— Надо же: кто-то может забывать сны... А как быть тому, кто каждую ночь только и делает, что улавливает сны, причем всех, кто спит в этой комнате? Странно я все-таки спроектирован: собираю в себе столько идей и сюжетов, но никуда их потом не направляю... — размышлял улавливатель снов, закрепленный на потолке спальни одного из загородных домов в Подмоскowie. Его привезли как трофей из лавки в Этномире, там целая коллекция самых разных шаманских штучек: с перьями, лентами, таинственными сюжетами с волками, кострами и берегами предков.

— Папа, давай подуем на перышки, чтобы они закружились!

— О нет! Опять головокружение! Все сны перемешаются, и я их не... А чего я, собственно, боюсь? Ну, перемешаются... Они уже во мне, а разбираться в них никто не собирается, — надулся было улавливатель снов, но тотчас же завертелся с бешеной скоростью, вызывая восторг и счастливые повизгивания дочки.

Через несколько мгновений все убежали умыться и завтракать, а перышки продолжали покачиваться.

— Похоже, я еще умею улучшать кому-то настроение! — вдохновился улавливатель снов, приходя в себя после головокружительного приключения.

— Вот если бы найти и рядом с ним прикрепить излучатель снов — они бы удивили этот мир своим тандемом! — улыбнулась я и накрыла постель уютным шелковистым покрывалом.

ДД

Книга Дневник Делакруа отличалась от книг, которые лежали сверху, снизу и сбоку. Она не была ярко окрашена, была просто оформлена и довольно-таки увесиста при своих небольших размерах. Это одна из тех книг в комнате, которые побывали в руках у многих читателей, а может, и писателей. Дарили свет и радость разным людям, а потом в силу обстоятельств оказывались на перевалочных пунктах — в темных пыльных комнатах букинистов. Там, где волей случая решалась их дальнейшая судьба. Книге ДД повезло, ее приобрела девушка с горящими глазами и трепетно прижимала к груди на пути домой.

Книга ДД была очень наблюдательна и немного ворчлива. Однажды утром в дверь позвонили, послышался радостный топот и короткий разговор. Позже в комнате появилась и сама хозяйка квартиры с тремя новыми книгами — яркими, красивыми, впечатляющими, — положила их на стол и убежала по делам.

Книга ДД смотрела на совсем юных соседей, которые осматривались и радовались, что в новом доме много книг. Пока новые жители знакомились с постояльцами, Книга ДД ворчала про себя:

«Радуйтесь, радуйтесь, недолго вам красоваться на самом видном месте. Думаете — вас приобрел заботливый хозяин и теперь вы будете проводить вечера вместе? Надеетесь почувствовать тепло рук, согревающих зимними вечерами, и остроту карандаша, которым делают пометки на полях? Ожидаете, что будете прочитаны от корки до корки, а, может, и перечитаны?»

Наша хозяйка — чудесная девушка. Она с легкостью зажигается новыми желаниями и поддается порывам. На самом деле она очень любит нас. Книжки — ее страсть. Вы заметили, что когда закрылась дверь за курьером, она нежно обняла вас, вдохнула аромат новизны и пустилась в пляс? Сердце ее ликовало в этот момент от ожидания встречи с вами уютными вечерами. Только вся проблема в том, что не хватает ей времени на эти встречи.

Каждый день она планирует такую встречу, а потом отменяет. Когда она подходит к нам в раздумьях — что бы такое почитать завтра, мы замираем, перестаем шептаться и ждем. Хозяйка долго перебирает книги, с любовью перекладывает нас, спонтанно открывает попавшуюся книгу и читает... Мне иногда кажется, что она каким-то таинственным способом заглядывает в нашу суть и улавливает самое главное, не читая

всю книгу. Наконец-то она выбирает книгу, кладет ее на письменный стол или уносит ее с собой на кухню, чтобы там тоже положить на стол. Или почитать немного, пока есть время. Книга ликует, но недолго — через пару дней настроение сменится, а вместе с ним и книга.

Ах да, как же я забыла про любимую ее фразу: «Как говорил великий Умберто Эко, библиотека — это не те, книги, которые вы уже прочитали, а те книги, которые вы еще не прочитали». Этой фразой на самом деле можно было заменить весь мой внутренний монолог.

Но вы не подумайте, что все это зря. Совсем нет. День за днем я наблюдаю за тем, как хозяйка в эйфории раскладывает новые книги и как потом она про них забывает... А потом вдруг происходят изменения в ее мире (поверьте мне — это случается очень часто), возникают новые вопросы, становятся необходимыми какие-то знания. И вот тут на нашей улице случается праздник. Почему? Да потому что она всегда находит ответы в нас. И это настолько бесценно, что мы готовы пылиться здесь годами, чтобы однажды ответить на главный вопрос. Рано или поздно каждая из книг понимает — почему оказалась именно в этом доме и в чем заключалась ее миссия. В такие моменты все мы осознаем, какой большой поддержкой и опорой являемся для нашей любимой и немного сумасбродной хозяйки. Так что, честно говоря, я уверена — вам здесь точно понравится. По-другому и быть не может — ведь она вас выбрала, значит, здесь вам самое место».

Ольга Катышева

Куприян

Жил-был то в портфеле, то на полке один Учебник. Звали его Куприян. Он был мудрый не по годам и очень много знал. Учебник не имел голоса, но умел толково отвечать на разные умные вопросы и тактично и грамотно задавать свои. Это был приятный и внимательный собеседник. И когда случалось с кем-то побеседовать, был просто счастлив. Но, несмотря на все достоинства Куприяна, не очень-то кто и хотел с ним разговаривать.

Почти каждый вечер в доме, где жил Куприян, кто-то из взрослых дежурно произносил:

— Ты сидишь за учебники?

— Да, — отвечал детский голос.

Честный Куприян верил детскому ответу, ведь рядом жили и другие учебники, и всегда искренне удивлялся, когда после слов:

— А на вопросы ответил? Открывай учебник, читай вслух вопрос и отвечай!

Так вот, Куприян искренне удивлялся, что после этого детские пальчики начинали перебирать именно ЕГО страницы, и отвечать на вопрос, который задает ОН, а не кто-то из его соседей по портфелю. И Куприян замирал в предвкушении беседы.

Но беседы не получалось. Куприян как мог, пытался помочь хозяину детского голоса, то подсовывая нужный рисунок, то выделяя важное жирным шрифтом. Без особой благодарности хозяин голоса пользовался подсказками, и после: «Ну хорошо», — произнесенного усталым взрослым голосом, радостно захлопывал книгу.

Учебник Куприян грустил.

— Почему никто не хочет со мной разговаривать и вести беседы? — мучился он вопросом, на который, даже будучи таким мудрым и много знающим, ответить никак не мог.

Из телевизора доносилось:

— Кто весел, тот смеется.

— Я сейчас не весел, — подумал Куприян, и из-за этого пропустил строчку мимо ушей.

А телевизор пел дальше:

— Кто ищет, тот всегда найдет.

И Учебник решил, что ему надо искать. Старательно искать ответ. Куприян стал прислушиваться и приглядываться ко всему, происходящему вокруг. Вопрос ни на минуту не покидал его:

— Почему, почему никто не хочет со мной разговаривать?

— Скучотень! — услышал он беззаботный и веселый голосок Маши из мультика «Маша и Медведь» .

Маша разговаривала совсем не с Учебником? Неважно. Важно, что ответ нашелся.

Куприян услышал Машу, поверил ей и на детей больше не обижался. Ему стало гораздо интересней жить и легче терпеливо дожидаться тех минут, когда кто-то захочет услышать и понять его мысли, когда кому-то по-настоящему понадобится его мудрость.

**

Со временем Куприян стал чаще общаться со своими соседями по полке и услышал от них много разного и любопытного.

Сам Куприян хоть и был несколько старомоден в манерах и классичен по содержанию, но был Учебником молодым, совсем недавно изданным. Поэтому он с интересом слушал старую Биологию, непонятно как сохранившуюся и оказавшуюся рядом.

От нее он с удивлением узнал, что в далекие советские времена учебники не выдавали в библиотеке, их нужно было покупать. Но зато они стоили не так дорого и не менялись так часто, как сейчас. По одному учебнику могли учиться несколько поколений школьников. Книги передавались или продавались за полцены тем, кто шел следом.

Биология рассказывала, что продавать учебники и тратить полученные с этого деньги часто позволяли детям. И некоторые мальчишки, если родителям случалось купить новые учебники, ставили их на полочку куда-нибудь подальше и вообще старались не трогать. Это чтобы по окончании учебного года продать подороже. Они же как новенькие! То есть совсем новые.

— Какие плохие ленивые мальчики, — подумал Куприян.
— Стоп! — остановил он себя, потому что был умным и мудрым, и продолжил думать:
— Ленивые?
— Возможно. Но точно не известно...
— Плохие?
— Не-ет! Они же классные предприниматели!

Так как Учебнику по статусу было положено объяснять все до мелочей своим читателям, то с привычной учебниковской скрупулёзностью он сформулировал чуть было не промелькнувшие мимо мысли:

1. Чьим-то родителям не придется ехать в райцентр за новыми учебниками.
2. У мальчишек появятся деньги на карманные расходы.
3. Зачем мальчишкам брать учебники в школу, если они точно знают, что даже не достанут их из портфеля?

На уроке — есть у соседки, в перемену — так она совсем для другого. И это было честно с их стороны. А вот трепать в портфеле без дела пусть и недорогой, но стоящий каких-то родительских денег учебник...

— Так зачем же родители этим мальчикам учебники-то покупали? — какое-то мгновение все-таки недоумевал Куприян, и тут же сообразил:
— А ты, дорогой Куприян, встречал таких родителей, которые детям учебники не купят?

И тут Куприяну почему-то вспомнилось, как две молоденькие Учительницы обсуждали в классе какой учебник лучше использовать на следующий год: автора Иванова или автора Петрова. Куприян был знаком с обоими учебниками. Тогда, лежа на парте, он думал:

— А что бы я посоветовал? Ведь каждый из них по-своему хорош...

А сейчас Куприян точно знал, что выбор учебника — это не главное для Учительниц. Главное — чтобы детям захотелось зачем-то любой из них открыть.

Людмила Казанцева

Стеколка

Елочный шар Стеколка любит жизнь и радуется каждому ее мгновению.

Живет он в картонной коробке на шкафу и весь год занят разными делами: напевает песенки, гуляет, читает, считает на небе звезды, вспоминает и записывает истории про новый год.

А как только наступает 23 декабря, Стеколка отодвигает все дела и занимается тем, для чего однажды родился — сверкает на елке.

На макушке у Стеколки есть пимпочка с дырочкой. В дырочку продета прочная золотистая нитка, завязанная морским узлом для крепости. Этой ниткой Стеколка обхватывает ветку елки и покачивается вместе с другими шарами и сосульками.

Когда за окном темнеет, зажигаются крошечные огоньки гирлянды, и синий от природы Стеколка начинает радужно переливаться.

Ему нравится наблюдать за новогодними хлопотами, слушать звуки приближающего праздника, шепот тайн и спрятанных сюрпризов, вдыхать весь, до самого конца, запах мандаринов.

Вот только иголки елки колются. Особенно, когда он начинает пританцовывать под веселую музыку. Не спасает вязаная шапочка с помпоном.

Но однажды случилось новогоднее чудо. Выпрыгнув в конце декабря из коробки, Стеколка привычно обхватил ветку елки ниткой и не укололся. Наоборот, стало приятно и щекотно. Стеколка захихикал и его синие в прозрачную полоску щеки еще больше округлились. Он был в полном восторге от новой елки, пахнувшей магазином. Когда-то и он так пах.

— Юхуу, теперь мягкие зеленые ворсинки будут щекотать меня до самого Старого Нового года, — пропел Стеколка, зажмурившись от счастья.

Наташа Носевич

Кох

— Хорошо сидеть на новом диване утром и писать карандашом. Я записалась на курсы писательства, а писать у меня не выходит, не ложатся слова. Я читаю у других сокурсников, как это легко и прекрасно, но ничего подобного не происходит со мной.

Привет. Я карандаш Кох-И-Нор. Обычно мной рисуют, а сегодня происходит что-то совершенно не обычное. Вместо линий размашистых и порывистых, сегодня я мелко-мелко танцую на месте, двигаюсь от одного края белого поля до другого. Иногда замираю в воздухе, и меня начинают крутить в руках и потряхивать. Пару раз даже постучали по столу. Совершенно непривычное состояние. Я заметил знакомую чашку...

— Хорошо пить кофе, смотреть на восходящее солнце и встречать утро. Начинается новый день, и машины туда-сюда.

...кофе. Может, ей со стороны будет виднее. Мы на минутку оказались вместе. «Здравствуйте, мадемуазель. Вы не заметили, какой странный день сегодня. Я как будто герой другой истории». И их снова развело в стороны.

— И под абажуром сидеть приятно. Люблю свою кухню. Что тут скажешь? Не всем дано быть писателями.

И карандаш привычно закружил по листу, рисуя знакомые овалы и линии, мелко и быстро перебирая на одном месте, штрихуя тени и легонько касаясь бумаги в местах бликов и отражений.

Ольга Лебедева

Марвин

Не сказать, что Марвин был недоволен жизнью, нет, просто удручали его всегда дождь, снег, град... В особенности град. В эту погоду он сильно скучал, тосковал по солнцу и чудесным историям. Ох, как он любил истории! Настоящие, искренние, иногда лживые, но все равно настоящие! Именно ложь и предательство поразили Марвина в свое время до глубины его души. Он просто понял в один момент, что эти, так сильно ненавистные многим, чувства по искренности порой превосходят любовь и доброту.

Дождь шел уже второй день. И Марвин понимал, проснувшись утром, что и этот день он проведет в одиночестве со своими мыслями и воспоминаниями. И он вспоминал...

Родился Марвин около 6 лет назад в старом сарайчике, который принадлежал одному плотнику по имени Брюс. В свободное от работы время старик создавал из дерева совершенно волшебные вещи. Он пел, пританцовывал, рассказывал истории из своей жизни. Одним словом, вкладывал душу в своих героев. В то лето Брюс был свободен. Он давно сдал дом очередному клиенту, закончил новый кухонный стол и пару стульев для соседки Ребекки. И с чувством выполненного долга коротал дни в своем саду, который, если уж совсем начистоту, и садом-то назвать было трудно. Это была лужайка около дома Брюса, огороженная живой изгородью из дикого винограда. На краю этого самого сада рос величавый и старый дуб. В его тени стояла обветшавшая лавочка, на которой Брюс и коротал дни, попивая медовый чай.

Раз в неделю к нему заглядывал его друг, почтальон Масти.

— Брюс! Привет, дружище. Как твои дела? — Масти стоял прямо над ним и щурился от солнечных лучей, которые норовили пролезть сквозь пышную крону дуба.

— Привет, Масти. Присаживайся рядом. Чаю?

— Спасибо, на минутку присяду. Вот, возьми свою почту. Письма-то городские! Опять заказы к осени приходят?

— Оставь их здесь. Не хочу сейчас прерываться. Письма подождут!

— Когда же ты сделаешь себе почтовый ящик?! Все соседи уже обзавелись ими. Разные они. У кого железные, у кого просто картонная коробка на палке... Кто как может.

— Ящик, говоришь... — Брюс задумался. Он поднял взгляд к небу, сощутив правый глаз. Он всегда так делал, когда в голову приходила новая идея.

— Ящик, ящик. Давно пора, говорю.

— А знаешь! Это прекрасная мысль! Приходи на следующей неделе, вместе и поставим его на границе!

Масти улыбнулся, поднял свою тяжелую сумку.

— Договорились, друг.

Они обменялись рукопожатиями, и письма неспешно двинулись в путь навстречу своим хозяевам.

Брюс буквально бегом бросился в свой сарайчик. Достал новенькие бруски березы и стал творить. До самого вечера доносилось пение Брюса в такт ударам молотка и трели пилы.

— Утром достану краску и покрашу тебя, дружок. Хотя почему дружок? А давай назовем тебя Марвин? Марвин... замечательное имя. И краска подходящая имеется... голубая!

Брюс ушел в дом.

А Марвин совсем не хотел спать. Он так боялся пропустить свой самый первый день, точнее, даже ночь! Ха! Это же его вечер рождения! Его переполняли эмоции: радость, веселье, нескончаемый трепет и любовь к своему «отцу». Тогда в его душе не было сомнений и переживаний. Только абсолютное счастье и невозможный интерес к новому дню...

Мика Тойвонен

Мика Тойвонен, служащий финской таможни, тридцати двух лет, открыл глаза, зевнул и сладко потянулся. Опустил ноги на прохладный ламинат пола. Погладил Мирри: она уже заметила пробуждение хозяина и с довольным громким мурлыканьем прыгнула на кровать, требуя ласки, внимания и утренней кормежки.

— Эээ, погоди, дружок. Сперва — зарядка и душ, завтрак — потом.

Мика опустился на пол и сделал сорок пять глубоких отжиманий. Медленно, методично, не забывая о дыхании. С чувством удовлетворения встал, еще раз потянулся, на этот раз уделяя особенное внимание грудным мышцам, и отправился в душ. Пять минут на водные процедуры, не больше — привычка со времен армейской службы. Он ухмыльнулся, растирая себя полотенцем и припоминая веселые деньки в армии: замечательные товарищи, “чувство локтя”, эдакое командное преодоление трудностей и, конечно же, оружие. Лучшее время в жизни любого финского парня! Тогда все было просто и понятно, но совершенно не скучно и не однообразно. Сейчас же... а черт его знает, что сейчас. Видимо, для этого ему и нужны были его дополнительные смены (хотя прибавка к получке тоже немаловажная деталь) — чтобы сделать его «сейчас» максимально понятным и простым.

Он прошел на кухню и включил кофеварку (воду и кофе подготовил еще с вечера, так что сейчас было достаточно просто нажать кнопку), затем вернулся в спальню, заправил постель и переоделся в рабочую униформу. Поправил ремень, взглянул на себя в зеркало, расплылся в широкой ухмылке, сверкнув белоснежными зубами. Кофейник сипло захрипел: кофе был готов, можно завтракать.

Мирри терлась об его ноги, требуя свою порцию. Мика щедро насыпал в кошачью миску «сухарей», в другую налил свежей воды: на день хватит. Сегодня начинается суточная смена, но соседка заглянет к Мирри ближе к вечеру, так что за хвостатую подругу можно было не волноваться. Быстро сделал себе два бутерброда — коврижка ржаного хлеба, тонкий слой спрэда Oivariini, пара ломтиков сыра Oltermanni, ветчина — и наслаждением съел. В обед надо будет приналечь на овощи, а то что-то талия начала заплывать жирком, а найти время на полноценные тренировки в зале как-то не получается. Нет уж, толстеть ему нельзя.

Расправившись с завтраком, Мика упаковал себя в куртку (космические технологии, арктическое снаряжение), надел теплые ботинки на

зубастой подошве (Gore-Tex, да благослови господь того, кто это изобрел), натянул вязаную шапочку. Взял рюкзак и, открыв входную дверь, шагнул в морозную тьму январского утра.

«Доброе утро», — сказал он своей старенькой Ауди, сиротливо поджидавшей его во дворе. Любовно счистил щеточкой снег с боков и крыши автомобиля (он терпеть не мог заснеженные машины на дороге), уселся поудобнее, пристегнулся, запустил двигатель. Порадовался мерному урчанию из-под капота. Все-таки хорошая у него машина. Совершенно ни к чему ее менять — налог невелик, поломок почти не бывает, двигатель тянет прекрасно, расход топлива в норме. Аккуратно сдав назад, развернулся и вырулил на заснеженную дорогу. До работы было недалеко, но общественный транспорт в их местности почти не ходил, так что личный автомобиль был жизненной необходимостью. Мика включил радио, бодро заиграла рок-музыка. Со спокойной радостью на душе он двинулся навстречу новому рабочему дню.

Минут через десять бодрые рок-боевички Iron Maiden сменились на что-то более меланхоличное, и вдруг его что-то неприятно кольнуло внутри. Нет, это была не физическая боль, но ощущение, что он забыл что-то важное, и такое о, чем он не хотел забывать. Мика поерзал на сиденье, немного досадуя на то, что в этот так хорошо начавшийся день вдруг просочилась какая-то недосказанность. Вот этого он терпеть не мог. Что же это было? Ах да... Та русская в утреннем поезде из Москвы. Он тогда еще удивился невольно тому, насколько фотография в ее паспорте не походила на ее настоящую. Понятно, только что проснувшаяся, немного растрепанная, с рассыпавшимися по плечам золотистыми волосами и внимательным взглядом. Как она на него смотрела!.. Мика поежился. Зелеными, черт подери, глазами! Кстати, а как именно она на него смотрела? С удивлением? Пожалуй.

Он каждую свою смену день видит сотни людей, но старается не копать глубоко, если это не имеет отношения к работе. И все равно каждый раз удивляется тому, как по-разному они все с ним себя ведут. В основном — они все недовольные. Стараются либо не замечать его, отвечая на его вопросы, но глядя куда-то мимо него, либо вдруг начинают огрызаться. Раньше он искренне этому огорчался, думал: возможно, его русский язык настолько плох, — но нет. Дело было не в этом. С опытом он понял, что русские, несмотря на стереотип о «душе нараспашку», не склонны доверять незнакомцам, особенно, как он заметил, незнакомцам в форме. Поэтому теперь он просто был вежливым, тактичным и улыбчивым. Со всеми.

И конечно, среди русских было много милых людей. Вежливых, улыбающихся, с открытым взглядом, которые, казалось, искренне

радовались его появлению. Это было почти как играть в лотерею, и он ловил себя на том, что задается несколько наивным вопросом: кого же он встретит сейчас, каждый раз перед тем, как заглянуть в очередное купе. А вот таких, как она, было немного. С глазами, заглядывающими в душу. Она будто спрашивала его о том, кто он, с какой планеты, и как так вышло, что они встретились? Он тряхнул головой, отгоняя наваждение, и заехал на стоянку офиса.

Как обычно в этот предрассветный час, в здании кипела жизнь. Московский поезд должен был подойти через полчаса, надо было быть готовым к работе. Мика быстро проверил свое снаряжение. Надолго ли она ехала в Финляндию? Вроде пять дней, она сказала? Совпадает с его графиком, было бы забавно взглянуть на нее еще раз, если бы можно было бы оказаться в ее вагоне. В принципе, это реально устроить, наверное. Он снова тряхнул головой. Да что же это такое? Зачем все это? Зачем ему так необходимо взглянуть на нее еще раз? Посмотреть, изменились ли ее глаза? Изменила ли ее Финляндия? Он вздохнул, удивляясь своим сегодняшним мыслям. Пора работать.

Он налил воды из кулера, выпил и направился к выходу: встречать московский поезд. Проверять визы, задавать вопросы, ставить отметки о въезде. Желать доброго утра и спрашивать о погоде. И, конечно, улыбаться. Почему-то он был уверен, что улыбка — главное в его работе. Пусть даже она чаще всего остается без ответа. Неважно. Эти люди — гости его страны, и он будет встречать их с радостью. Он улыбнулся, сверкнув своими прекрасными зубами, и уже второй раз за это январское утро шагнул в морозную тьму.

К2

Зима, конечно же, настала. Сначала очень долго не было снега. К2 и так не любил лето, а сейчас ему было совсем плохо. Ему не спалось. Он трещал по ночам, как будто бы расслаиваясь, и безнадежно заламывал ремешки на креплениях. Бывали моменты, когда его выкручивало от отчаяния. Но в основном он застывшим взглядом смотрел из-за шкафа на полоску ночного света, все меньше и меньше надеясь, что ее оживят тени от падающего за окном снега. Снег не торопился, его не было даже в горах.

К2, соберись! Ты же сноуборд. Ты крепкий и умеешь ждать, — твердили ему все, даже пуговицы на одежде. Но не действовали никакие уговоры, ему становилось все хуже и хуже. Он всех замучил. Белоснежный, как океанский лайнер, утюг Тефаль уже согласился разгладить ему скользкий новым воском, понимая, что рискует безнадежно испортить свою идеальную керамическую поверхность.

Окна — это зло, — твердил вечный подросток Скейт, — особенно окна с неподвижной картинкой. Все тлен. Она не придет. Зимы отменили! Придется прикрутить тебе колеса, будешь тележкой. Ну или отдадут тебя для декора в ресторан. Можно, конечно, еще летом по песку — но в этом нет ни волшебства, ни уважения.

«Я не знаю, откуда ты пришел, но я знаю, от чего ты бежишь. Не имеет значения, кто из нас круче. Важно только то, что не дает упасть тебе вниз...» — напевал неунывающий Серф, пытаясь наскрести немного инея из холодильника, чтобы хоть как-то утешить друга.

Гладильная доска Наташа не разделяла всеобщего настроения. Она точно знала — было бы электричество, а там и вода, и пар, и снег. Вечно придумают себе тоску, лучше бы делом занялись. Вон Тефаль чего надумал, подошву воском портить. Воск — это так неромантично. Другое дело в свечах. А так попадет еще на скатерть и застынет — отдувайся потом. Его же за это навсегда в коробку упрятать могут. А обо мне он подумал? Как же я без него, — сокрушалась она.

К2 не замечал всей этой суеты, он жил воспоминаниями, изредка засыпал. Ему снились горы, подъемники, плавные дуги на снежных полях, волшебный шорох бескрайнего белого плена и холодные пальцы на клипсах креплений. Во сне ему становилось легче.

В глубине души он как-то ощущал, что не может же такого быть, чтобы снег никогда больше так и не выпал, снег обязательно будет. Скорее всего, он не поймет это сразу, и даже не первым увидит. Просто однажды утром кто-то из близких с загадочным видом вернется из кухни и с еще сонной улыбкой скажет — посмотри в окно.

Марианна Яцышина

Стрелков

Стрелков ощущал себя стерегущим невидимую заставу. Он любил эту Гору, он родился у ее подножия и теперь оказался у самого ее входа. Живет он тут, работает на переправе, нет, не через реку, там переправа через границу, только не гадайте, между какими странами она пролегает, по мнению Стрелкова, граница возле Горы пролегает исключительно между мирами. А он, Стрелков, — пограничник. В тот вечер, когда мы пришли в сторожку, он был не особо приветлив, таежное гостеприимство, оно такое, без шаблонов. Человек Природы, настроения переменчивы, как ветер в горах, привык без людей, а тут лето, толпы народу. Подростковый коллектив с любопытством рассматривал его жилище. На стенах иконы, пейзажи путешествующих художников, какие-то забавные фотографии из журналов. Я уточняю хозяйственные вопросы, где лучше разбить лагерь, зарядить фонарик, да мало ли вопросов может возникнуть, когда несешь ответственность за детей в горах.

Стрелков обещает прийти, провести инструктаж. Мужской разговор о соблюдении техники безопасности, по общему мнению, необходим. Я согласна, конечно. Но задуманный сюжет как-то сразу не заладился, молодежь сопротивлялась напору, хотелось шутить, беззаботно носиться на воле без контроля. Мой напускной пофигизм вполне устраивал, а тут Стрелков со своими поучениями. За лояльностью хоть и стояли волнения и контроль, но это не так напрягало, как жесткий почти военный инструктаж. Стрелков рассердился. Придрался зачем-то к футболке со зловещими рожами, орал, что здесь не балаган. Уже готов был дать в глаз дерзившему парню. Пришлось вмешаться, разводить их в стороны. Да ты ему в отцы годишься, а ведешь себя хуже пацана. Стрелков повернулся и ушел, как дверью шарахнул. Смотрю ему вслед, обидно, разревелась, ну ты чё за боец невидимого фронта? Знаешь же, что за этих ребят ответственность вынужденно взяла, не я, ты, их родителям обещал, что поможешь, а сейчас психанул и до свидания, сталкер? Смотрю ему вслед, слезы вытираю, вдруг крохотная птаха прилетела на камень рядом со мной. Накрыло теплой мирной волной, я села на шершавый серый мох и затихла.

Знаю Стрелкова лет пятнадцать. Жизнь помотала его, как следует. Он сам никогда про это не рассказывал толком. Да и зачем... Когда он решил у Горы поселиться, уже не помню. Лет пять назад, однако.

Со спасателями договорился, сторожем взяли. Он спускается пару раз в году вниз. Всегда заходит в гости. Говорит немного, но то, что говорит, трудно не запомнить.

Он и среди туристов уже известный стал. Мусор на стоянках убирает, туалеты в мерзлом грунте копает, его никто об этом не просит и спасибо не говорит. В прошлом году с одним странником мосточки через бурный поток сколотил.

Слышала недавно, как одна барышня из Москвы восхищенно рассказывала про то, как встретила у Горы такого самобытного местного жителя, он и за часовней присматривает, и молится там в одиночестве. Стрелков в часовню и правда часто наведывается, акафисты, молитвы о погибших и здравствующих читает. И в мороз и в шквальный ветер приходит зажечь свечу, подмести порог, полы протереть.

«Чада Божии! Ради Христа, убирайте мусор» — понятно, кто мог такую табличку смастерить и повесить на тропе.

Дверь никогда не запирает, вдруг, говорит, кому-то теплый ночлег понадобится, в жизни бывает всякое.

К вечеру Стрелков вернулся со стопкой еще горячих лепешек и банкой сгущенки. Это было стопроцентное попадание, все уже порядком изголодались на походной диете и грубоватые лепехи были восприняты с восторгом. Все происшедшее благополучно забыто, мы хохочем над таежными байками, пьем чай, настоящий на кедровой хвое, и не представляем, как мы вообще могли жить раньше друг без друга.

Стрелков уже собрался уходить, когда я отозвала его сторонку и еле слышно спросила: — Тебя почему так сорвало-то утром?

Он молчал с минуту, и я уже успела пожалеть о своем вопросе, но тут рассудительно зазвучал его приглушенный голос.

— Да ты пойми, Марья, перемкнуло меня. Насмотрелся тут на всяких, такие кренделя наведываются, после которых кедровые вповалку, ручьи загажены, и корень золотой вырван подчистую. Стоянку в порядок потом месяц привожу, а на следующий год снова.

— Ну а парень-то причем?

— Да у него на майке видела что написано: «Мне всё по х...», вот я и озверел.

— Знаешь, Вовка, у меня в ранней юности это прямо на лбу было написано.

Стрелков рассмеялся.

— Завтра баню вам растоплю, пусть пацаны приходят, дрова поколем.

К

Крылья

Снова рассвет, и снова я встречаю его взмахом своих крыльев: так я заставляю мир вращаться. Так было всегда и будет так до тех пор, пока я стою здесь и делаю свою работу.

Я смотрю и вижу своих братьев, заполняющих все открытое пространство вокруг. Мы прекрасны в своей идентичности: высокие и статные, безупречных пропорций, в такт очерчиваем своими крыльями круг за кругом, рождая симфонию движения. За нашей обманчивой хрупкостью скрывается железная воля и негибкая сила. Мы — венец эволюции и всегда смотрим в лицо опасностям: ледяному дождю, штормовому ветру, снегу. Таково наше предназначение — стоять на страже мира и заставлять его вертеться.

И если кто-то из нас вдруг перестает справляться — значит, катастрофа близка, ибо тогда нарушается гармония вращения, а это сказывается на энергоемкости жизни. Это недопустимо. Серьезность такой ситуации понятна по тому, как *они* начинают суетиться. Появляются вдруг из ниоткуда, мельтешат, копаются вокруг и иногда даже внутри нас. Движения их хаотичны и лишены гармонии, а следовательно — смысла. Но их присутствие каким-то образом возвращает нам способность делать нашу работу, поэтому я допускаю наличие некоторой связи между их действиями и нашим функционированием.

Впрочем, я считаю окружающий мир в высшей степени нелогичным, начиная *ими* и заканчивая этими глупыми созданиями, попадающими иногда мне на крылья. Поведение последних вообще оказалось разочарованием, ибо они обычно передвигаются в воздухе в гармоничной форме равнобедренного треугольника, а уже одно это вызывает и уважение, и определенные ожидания: с поправкой на ветер, конечно.

В ветре и солнце, облаках и дожде куда больше логики и гармонии, по крайней мере, я легко могу вычислить созависимости атмосферных явлений. Так, например, дождь — это просто конденсация теплого воздуха, поднявшегося на определенную высоту. Такой воздух собирается в сгустки облаков — и вот уже одна зависимость. При низкой температуре воздуха дождь трансформируется в снег — еще одна зависимость. А вот Ветер, этот дающий жизнь поток — это результат перепада давления воздушных пластов, который, в свою очередь, вызван разностью температур в атмосфере, и сущность Его такова, что спрогнозировать Его появление не представляется возможным. И в этом

есть определенная, почти мистическая красота, так что с непредсказуемостью Ветра я готов мириться. В конце концов, Он — то, что дает жизнь.

Впрочем, должен признать, что в нелогичности и абсурдности мира есть свой плюс — на его фоне я и мои собратья выглядим надежными бастионами гармонии, недремлющими стражами логики и совершенными эйдосами энергии, вращающей мир. Эта мысль помогает мне справляться с работой в особо трудные моменты.

Такое случается. Но не стоит думать, что к таким моментам относятся бури или ледяные дожди, нет. Противостояние стихии меня не страшит, даже напротив, я искренне рад взглянуть опасности в лицо, ибо эта проверка на прочность закаляет дух и позволяет возвыситься над обыденностью.

Но есть испытания иного рода — темные тихие ночи. Душные безветренные предрассветные часы, когда мне отчаянно нечем дышать. В такие часы все замирает. Время останавливается. Все теряет свой смысл, и я начинаю сомневаться в своем собственном существовании, в существовании своих братьев, в существовании вообще чего-либо. Потому что «быть» — означает действие, а ожидание — это бездействие, и с этим утверждением невозможно спорить, ибо оно логически безупречно.

Поэтому я пытаюсь представить: себя, вращающего крыльями, одного из сотни подобных мне здесь, одного из тысяч, разбросанных по миру. Я — это они сейчас, исполняющие свой долг перед миром, держащие его на себе, не дающие ему остановиться. Сотни и сотни высоких и статных созданий, прекрасных в своей идентичности, очерчивающих идеальную окружность, пока я здесь, на этой стороне мира, жду, когда взойдет солнце.

Тогда утренний бриз коснется моих крыльев и вернет мне мое «быть».

Виктория Староватова

Хохолок

Какие же у нее шумные дети... Но лучше уж пусть галдят — скучота сидеть одному-то! Пару раз, помню, дремал в тоске и впроголодь... Сначала еды всякой было много-много, я все грыз-грыз, а потом «Бац!» и все кончилось, и рядом — никого. Кричи-не кричи. Грустно... Думал, выпрыгну из клетки от счастья, когда вошла она и первым делом насыпала мне полную миску хрустелок! Визжал, похрюкивал, суетился — не мог удержаться! А она меня еще раззадоривает: то ли достать пытается, то ли заигрывает, пальцем тыкает: "Вот это попкорнинг!" Хорошая такая...

По утрам она мне первому завтрак готовит! Днем — не беспокоит почти, разве что в корзинку пересадит иногда. Зачем? Да кто ж ее поймет... Может, опилки сушит и взбивает их, как подушку? Так волшебно спится мне потом на них — не могу передать, прямо дрыхнется.... А для нее, похоже, это какое-то особенное удовольствие: опилки взбивать. Точно! Они ж вокруг разлетаются (я и сам, если честно, иногда этим тоже балуюсь)! Потом еще пылесос этот ужасный жужжит. Бррр... Терпеть его не могу! А приходится. Но это еще не самое страшное. Щипцы для когтей и всякие мази — ее любимые игрушки. С чего она взяла, что они и мне нравятся? Я их боюсь, но все никак не могу разгрызть, хотя каждый раз пытаюсь бороться. А она, небось, думает, что я играю...

Вот так и живем: то шум, то тишина. Такая уж судьба. Но я не жалуюсь, я спокоен и рассудителен, потому что доверяю ей. А чего ж не доверять? Она постоянно говорит, что я — хороший. Правильно, так и есть. Вот сейчас бы тишины и вздремнуть, пока все не нагрянули! Хорошие мои...

Ольга Виноградова

Монолог одной очень пожилой дамы с французской фамилией Трельяж

Эй, да куда ж ты! Стой! Сперва поглядишь-ка сюда. Да-да, сюда! Ну что ж, космы бы я прибрала, пожалуй. И чего девицы эти нынче косы не плетут. И красиво, и аккуратно. Так нет же ж. Распустят, красуются, будто в том красоты много. Да иди ты, иди! Стоит, прям как моя. А моя-то где? В зеркало и не посмотрится?

Приличия, видать, блюдёт. При гостях нельзя, видать. Хоть бы свои склянки убрала. Нет, никогда их не уберёт. Это уж так всегда. Встанет утром и первым делом ко мне. Шею вытянет, смотрит. Как чудеса увидеть хочет. А что смотреть-то? Бледная, волосы растрёпанные. Смотрит. Потом, значит, вздохнёт, и в ванную поплетётся. Потом в комнату уйдёт. Подглядывала раз: ногами-руками дрыгает. Чего дрыгает? Как хворостинка стать хочет? Я эти моды их не люблю. Да и то сказать, разве ж ей помогает? Как пузо топорщилось, так и топорщится. Эх ты! Потом, значит, опять умываться бежит. Воду расходует только. А я уж жду.

Сейчас начнётся. И правда, ко мне идёт. Бутылёчки, флакончики, баночки пооткрывает и давай мазать. Да и хоть бы мазала-то по-человечески: всё на меня летит. Уж я ей и скрипела, и створки прикрывала. Ничто не берёт. Это что ещё!

Потом краску откроет. Там тушью меня замажет, тут пудрой своей присыплет. А я дама пожилая, я чистоту и покой люблю. Какой тут покой? Ещё и песенки свои напевает. И были б песенки хорошие. Иностранщина одна. О меня всё облокотиться норовит. Уж я скриплю!

Нет, ничего не понимает. Не удивительно, что ни работу не найдёт хорошую, ни мужа. Кому ж такая непонятливая нужна? Потом закончит. И зачем мне столько мучений, коли на ней ничего не видно? Ни румянца не нарисует, ни губы красным не намажет. Космы расчесет, на часы взглянет, чертыхнётся, и давай сапоги надевать. Потом вспомнит чего-то, на одной ноге в комнату поскачет.

Вернётся уже на двух. И ничего, что одна в сапоге грязном. Эх! Пальто накинёт, шарф кое-как поправит, поскакала. И всё, тишина до вечера. Те-то двое в меня не так много пялятся. И, кажется, стой себе, отдыхай, а меня злость гложет. Разлила из тубиков на меня всё, зеркало заляпала. Вот и стой так теперь.

Гадит-то каждый день, а моет раза два в неделю. А у меня уж с одной стороны всё разохлось, с той стороны накренилось. Никакого покоя. Стоишь так день, скрипишь горько. А она вечером поздно прибежит. Довольная, поёт. И мне же ещё гримасы строит. Одна другой гаже. Ну где ж тут мужа найдёшь? Горюшко!

А то бывает, вынесет сумку большую из комнаты. Понятно, поехала куда-то. Смотрит в меня. Лицо печальное. Да куда ж ты? Да как же я? А вернёшься когда? Соберётся медленно. Посмотрит на прощанье. Такая тоска нападёт! И стоишь чистенькая вроде, а не радуется. Серо как-то. Другие когда смотрятся, так и просишь, что подольше поглядели. Да они редко долго смотрят. А потом раз — и вернётся. Уезжает тихо всегда, а возвращается громко. Сумки поставит, мусора в них — видимо-невидимо. Я уж снова раздражаться собираюсь. А она своим кричит: «А пыль почему не вытирали?» И с тряпкой ко мне.

Ольга Катышева

Наглядное пособие

Сейчас я живу в шкафу для посуды. Хотя я совсем не посудина. Я – коробка из-под конфет. Вообще-то, когда меня сюда поселили, я и не знала, что это посудный шкаф. Только как кто-то скажет: «Возьми в посудном шкафу» — сразу дверь к нам открывается, и кто-нибудь из наших на время исчезает со своего места. Вот так я и поняла, что этот шкаф посудный. Здесь живут старая керосиновая лампа, бумажные салфетки, собачка-подсвечник, связка старых писем, еще много чего, что я даже не знаю, как называется. Посуды здесь тоже много. Даже тесно нам тут. Но мне нравится: в тесноте, да не в обиде.

Раньше я жила на магазинной полке. Видимо, в какой-то Франции. Меня отдавали в руки нынешней хозяйке со словами: «Это Вам небольшой презент из Франции». Помню, перед тем, как попасть к ней в руки, сколько-то времени мне пришлось жить в таком небольшом шкафчике, который то слегка трясло, то он на какое-то время замирал, то у меня было ощущение, что я лечу вместе со шкафом куда-то вверх, а потом резко куда-то приземляюсь. Соседями по шкафчику были еще какие-то коробки, коробочки, свертки... Позже я услышала, как этот шкафчик называли чемоданом, а всех нас – подарками. Нас разложили на большом столе, и про меня сказали: «Вот эту элегантную коробочку – учительнице». Другие подарки были яркими, некоторые даже блестели. Я чувствовала себя простушкой в таком обществе. И мне понравилось, что меня называли элегантной.

Воодушевленная таким отношением к себе я стояла в другом доме, на другом столе и радовалась жизни. Время от времени мою крышку приоткрывали, извлекая очередную конфету. И чем меньше оставалось во мне конфет, тем мне становилось тревожней. Что я представляю сама из себя без них? Зачем я буду нужна пустая? Мне очень не хотелось попасть в мусорное ведро, которое стояло совсем недалеко, и периодически попадалось мне на глаза.

Дальше все произошло очень стремительно и совсем неожиданно.

— Ма, последняя! — это было сказано про конфету.

Я тут же стала перепрыгивать из одной руки в другую, как мячик; потом подлетела почти до самого потолка и на удивление мягко приземлилась в чьи-то ладошки. Думать, летая, я не могла, но почему то только сейчас обратила внимание на свою форму, удобную для подбрасывания.

— Выбрасываем? — спросил тот же голос, но уже про меня.

— Конечно, — ответил ему другой голос, и я полетела в сторону ненавистного мусорного ведра.

Бац! Мимо.

— Погоди-ка, погоди-ка, — засуетился голос, одобливший мой путь в ведро, — принеси-ка линейку.

К моим бокам стали прикладывать холодную металлическую дощечку. Происходило что-то важное для меня, но что — я не понимала, и было по-прежнему страшно.

— Не надо ее выкидывать! Это же идеальный кубический дециметр! Мне так часто его не хватает для наглядности, — голос был возбужденный, а я успокоилась.

Вот с тех пор и поселили меня в посудном шкафу, и стали уважительно называть наглядным пособием. Повторюсь, мне здесь нравится. Особенно мне нравится, когда меня достают из шкафа и со словами: «Вот это и есть кубический дециметр» — кому-то показывают. Потом начинают рассуждать, сколько же таких меня поместится в большую коробку. Или наоборот, сколько маленьких кубиков поместится в меня.

Да, я забыла сказать, при всех этих переменах я не потеряла ни своей элегантности, ни прямого назначения быть коробкой. Теперь внутри меня лежит несколько тех самых маленьких кубиков. Они из пластилина. А зовут их очень похоже на меня — кубические сантиметры. Я уже наизусть выучила, что в меня можно сложить целую тысячу таких кубиков. Все равно, так приятно сопереживать тем, кто открывает это для себя впервые.

Теперь я без содрогания вспоминаю когда-то душераздирающий полет над мусорным ведром, иногда предаюсь милым воспоминаниям о своем французском происхождении и с нескрываемым удовольствием жду очередного выхода из шкафа в своем новом качестве. В качестве наглядного пособия.

Анна Гариб

Позитивное мышление Фиолетового Халата

Я появился у Хозяйки два года назад. Я лежал в запечатанном пакете на первом этаже большого торгового центра и визуализировал, как меня купят и будут очень любить.

Я был не согласен на жизнь без любви. Поэтому так долго меня не покупали. В своем воображении я сделал коллаж желаний: море, луна, звезды, слегка прохладная погода (кому я нужен в жару – нужно быть реалистом), запах кофе, спокойная размеренная жизнь и загадочная Хозяйка.

Вот как развернулись события далее.

Моя будущая Хозяйка носилась по первому этажу торгового центра и причитала:

— Нет ничего. Совсем ничего. А дома так холодно. Бррр. Я побегу на нижний этаж.

Теперь-то я знаю: она всегда паникует. Хорошо, что у нее есть муж (Хозяин). Муж спокойно ходил и говорил:

— Подожди, мы обязательно что-нибудь найдем. Вот увидишь!
Хозяин с завидным терпением просматривал полку за полкой, пока не схватил меня, лежащего в самом дальнем углу нижней полки.

— Иди сюда! Посмотри, что я нашел! Даже цвет твой любимый!

Мое сердце учащенно забилося. Хозяйка подошла и стала разглядывать меня. Я ей понравился. С первого взгляда. Она стала улыбаться. Я был уверен в собственной неотразимости и уникальности. Моя самооценка говорила, что стою я гораздо выше цены, указанной на этикетке!

— Но он М. А мне нужен S.

Они долго искали S, спрашивали продавцов, но я был спокоен: моих братьев-близнецов давно уже разобрали. Они ничего не визуализировали и были согласны на все, лишь бы не залежаться, и не попасть в страшный сток. Я единственный, кто рискнул остаться и ждать своего звездного часа.

Хозяйка накинула меня и стала крутить носом: «Хочу S!»

Вот оно как! Она – максималистка! Прямо как я! Ну что ж, приятно познакомиться.

Ситуацию опять спас Хозяин.

— Давай купим пока то, что есть, ведь цвет тебе идет.

— Я сколько раз я себе обещала не соглашаться на компромиссы!

Что? Я не компромисс! Я потрясающий халат! Я уникальный!

Я не согласееен! — но я уже летел в корзину для покупок. По дороге я увлекся рассматриванием соседних полок. Моя сила в том, что я быстро всех прощаю и от этого только выигрываю! Хозяйку я простил в тот же день.

Хозяйка смирилась и стала жить со мной. Вообще-то, если бы не ее муж, «король компромиссов», ее жизнь не была бы столь прекрасной. И самое главное — у нее не было бы меня.

Сегодня я у Хозяйки любимец! У нее есть и другие халаты, но они почти все время живут в темном фиолетовом шкафу. Выходят в люди по одному, только в случае моей стирки.

У Хозяйки мания стирки! Ее обоняние постоянно заставляет ее все проверять, а потом стирать, стирать, стирать. Все жители и гости квартиры жалуются, что оставят вещь без присмотра на пару минут, так уже все — ищи в стирке!

Вообще-то, если подумать, стирка — это хорошо. Физическая активность, острые впечатления: сначала холодно, потом пузырьки с ароматом, затем жарко и круги-круги-круги.

Наверное, это и есть баня. Раз, пока я на балконе сох, подслушал разговор Хозяйкиных подружек о бане.

— Баня — это волшебство. Баня поры раскрывает, настроение улучшает, делает кожу красивее.

Я согласен. Я по себе заметил. Казалось бы, уже возраст, а после бани я становлюсь пушистей и блещу как новый. Только мне маску на лицо, вернее, на капюшон никто не кладет и чай с медом не заваривает. Да я и не хочу. Я мед не люблю. После него — опять в баню.

Некоторые халаты жалуются, что после бани форму теряют. Не знаю. Я в бане вижу только хорошее, и баня мне приносит только хорошее. А другие халаты из-за негативного мировосприятия так и сидят в темном шкафу без бани, жалуются.

Чаще всего мой выход в свет бывает утром, когда сонная Хозяйка с одним открытым глазом садится пить зеленый чай. Я мягко ее обнимаю и согреваю очень хорошо. Когда она довольна, открывается второй глаз.

Следующий мой выход – вечером, во время заката. Мы любим с Хозяйкой и ее дочкой проводить солнце за горизонт: «Bye-bye, Sun».

Потом ее дочка зовет Луну «Мунь!» (Мунь — это от английского слова Луна. Так как дочка только учится говорить, то смешно, на китайский манер получается).

Но если Мунь — полная, хозяйка становится совершенно другим человеком.

При полной Мунь фантазия Хозяйки стремительно растет, достигает своего апогея, да так, что Хозяйка обливается горькими слезами, а потом вытирает их моим капюшоном. Она думает, что мне приятно? Только о себе и думает! У меня челюсти от соли сводит.

А Хозяину тоже тяжело, ему постоянно нужно что-то ей объяснять, причем одно и то же по три раза.

В первый раз она удивляется, после второго успокаивается, а после третьего спрашивает, а почему Хозяин ей сразу ничего не рассказал, зачем же ей было так нервничать. Я свидетель! Он с самого начала все говорил! Она из-за Полной Мунь ничего не слышала.

Вообще-то я таким умным стал благодаря Хозяину. Он всегда во всем видит позитив и смысл. Я вот теперь понимаю, почему, когда неожиданно приходят гости, Хозяйка стрелой летит в спальню, сбрасывает меня на ходу, надевает Непонятно Что и только потом выходит. Я — ее Магический Кристалл. Она бережет меня от посторонних глаз и сглаза.

Однажды Хозяйка уезжала, складывала свои вещи в большой серый ящик на колесиках. Его, кажется, Чемоданом зовут. Меня не положила. Вначале я расстроился. А потом подумал, ведь если она не взяла с собой дочку и Хозяина, так все самое ценное остается дома. Я в том числе. И правильно! А вдруг меня по дороге украдут? Зачем мне такая судьба? Я слышал, что иногда бывает с халатами: ими полы моют или навоз укрывают. Я так не хочу.

Я почти голубых кровей. Я фиолетовый! Пусть лучше со мной кофе пьют, размышляют и книжки читают. Я уверен, что моя Хозяйка никогда мною полы мыть не будет. Тем более что с годами я становлюсь для нее все роднее и дороже.

Я слышал, что она Хозяину обо мне говорит. Я ее любимого цвета и материала. Ведь только флис подходит к местной погоде. Слова — это хорошо, но главное — «по делам их судите». По делам: она меня только и носит.

Я признаться, не хотел бы с ней расставаться. Я про нее все знаю. Она меня ценит и носит. Так значит, правильно я себе любовь навизуализировал?

Сергей Рясенко

Не хронограф

Что же он меня вертит. Снял, перевернул, снова надел, попытался застегнуть, потом передумал, поднес к уху, прислушался. Хоть тресни, но тикай. Знает же, что не иду в привычном смысле. Батарейка на десять лет, часовые пояса, герметичный корпус — и в небо, и под воду. Ему бы механические, чтобы пальцам больно от заводного колеса. Чтобы останавливались раз в два дня и воды набирали, когда руки моет.

Почему я не хронограф? Достался бы аккуратный, респектабельный и пунктуальный, знающий цену времени. Утром одевал под белый манжет, смотрел с восхищением, показывал всем при каждом удобном случае, вечером в красивую коробку укладывал. Страна восходящего солнца, моя родина. Он хоть понимает — солнце восходит, потому что мои стрелки полный круг делают.

Не повезло ему со стрелками, обе одинаковые и называют их правая и левая. А не большая и маленькая. Они у них еще и гнутся посередине. Может быть, поэтому — они мало что контролируют. Вот я, обе вверх — и солнце в зените. Обе вниз — и полчаса дам ему поспать. Одна вниз, вторая вверх — и запищит будильник.

И что? Никакого уважения. Мельком. У него это значит — что еще полчаса, изо всех сил, глаза закрытыми держать надо. Где последовательность? Он за эти полчаса в течение года мог бы тело себе — какое хочешь сделать. Язык выучить, спектакль отрепетировать. Не знает, чего хочет. Поэтому спит.

И сейчас сидит, покой изображает — вертит меня, крутит. Смотрит через каждые две секунды, как будто я пойду быстрее. Она все равно опоздает, если вообще придет.

Пришла. Теперь долго не посмотрит, будто меня и нет. Послало время носителя.

Ольга Крыщенко

Зеленый дом

Я в который раз за сегодняшний свет аккуратно протиснулась в маленькую щелку между стенкой Дома и острым краем чужого маленького дома. С каждым днем становится теснее и теснее и я, к сожалению, уже забыла, как выглядит мой Дом возле противоположного угла. Когда-то там было уютно и просторно, но с тех пор, как разрослись шумные музыкальные волосы, об уюте нам всем пришлось забыть. Хотя они и создают бодрое настроение, если слушать песни их веселящихся пузырьков.

Раньше приходили из другого мира существа, которые регулировали число музыкальных волос, а теперь уже давно не приходят. И мы все бессильно взываем о помощи тому, кто нас кормит, а он не слышит нас и не видит как нам трудно.

А тем временем вся наша неспешная рыба жизнь превращается в сплошное преодоление препятствий. Вместо свободного плавания и разговора друг с дружкой мы вынуждены выживать в неравной борьбе за место в Доме.

Говорят, есть такие рыбы, которые едят зеленые пряди музыкальных волос. Очень жаль, что у нас в Доме таких нет. Я один раз попробовала съесть музыкальные волосы, но они такие грубые и противные на вкус, что даже живот потом заболел. А я болеть не люблю – это так скучно: отлеживаться и тихонько млеть на песке, ожидая, пока красный бок перестанет болеть и вспучиваться.

Вот если бы как-нибудь установить связь с тем, кто нас кормит, было бы хорошо. Он-то, наверное, знает гармонику количества музыкальных волос в Доме. Интересно, а какой он сам из себя? Наверное, он – огромная и находчивая Рыба, которой всегда везет в охоте, иначе откуда у него столько червяков? А еще мне рассказывали, что есть такая версия, что их много. Тех, кто нас кормит – много. Я вот что думаю – если допустить эту множественность... множественность тех, кто нас кормит... то будет больше надежды на то, что мы будем услышаны и спасены.

Надежды, мольбы... Ничего... Никто не услышит! Наш Дом погибнет скоро, как однажды случилось что-то страшное с обитателями вот этого, чужого маленького дома. Он когда-то явно был обитаемым, а потом, наверное, там разрослись мелкие зеленые волосы и всех вытеснили и сами погибли от тоски и голода. Конечно, в воде ведь все взаимосвязано

— вымрут одни, за ними и другие пропадут. Может быть, выпрыгнуть из воды и жить там, в другом мире?

Для нашего повествования очень здорово, что один любопытный маленький человек обратил внимание на странное поведение рыбки:

— Мама, мама! Там одна рыбка пытается выпрыгнуть из аквариума, что с ней?

— Ох! Наверное, ей плохо! Посмотри, мы ведь так давно не чистили аквариум, в нем много грязи и водорослей, поэтому плавать там почти негде! Тащи скорей все наши аквариумные инструменты, будем чистить.

Герой Яны Рулевой, история Людмилы Казанцевой

Ночи Дневника Делакруа

Ночью в комнате воцарялась тишина. Это была живая тишина. ДД чувствовала ее дыхание, размышляла, созерцала темноту, рассматривала произведения искусства на своих страницах.

Если внимательно прислушаться, можно было услышать разговоры книг, стоящих и лежащих рядом на полках.

Мудрые книги переговаривались совсем тихо, не спеша, делали большие паузы. С рассветом беседы из прерывались, а следующей ночью продолжались именно с того места, на котором заставало их утро.

Книги легкого содержания шептались без умолку, перебивая друг друга. Частенько хихикали, уткнувшись в обложку. Темы болтовни пролистывались так же быстро, как страницы, когда их зажимают между большим пальцем и остальными четырьмя.

ДД уже привыкла к шепоту и разговорам. Ничего не отвлекало книгу от размышлений или приятной дремоты.

Размышляла она не спеша. Мысли приходили, ненадолго задерживались и растворялись во мраке. Паузы между мыслями были долгими, наполненные бесконечностью.

Летом окно в комнате почти всегда было приоткрыто. Ближе к ночи дневной шум смолкал, но совсем не прекращался. Люди, видимо, тоже любили темное время суток и не все ложились спать. Часто под окном проходили пары, были слышны мужские и женские голоса.

ДД нравился загадочный шорох колес проезжающих машин, доносившуюся из радиоприемников музыку. Свет фар проникал через прозрачные шторы, неожиданно появлялся на стене, разрывая на секунды темноту. Пробегал по потолку и, как мысль ДД, растворялся в том, из чего появился.

Зимой окна плотно закрывали. Шуршания машин и голосов слышно не было, врывались только полосы света. Летние ночи короткие. Зимние длиннее, часто с метелями. И в такие ночи к ДД приходили тревожные мысли.

«А если однажды все бумажные книги люди отправят на макулатуру и будут читать плоские черные дощечки? Они называются электронные книги. Недавно к хозяйке приходил молодой человек с такой штукой. Как я поняла из разговора, в нее можно сложить все книги со всех полок

в этой комнате.

Хозяйка заинтересовалась чудо-книгой, провела по ней пальцем справа налево, как будто страницу перелистнула. Но страницы видно не было.

У хозяйки маленькая бежевая сумочка на длинном ремешке.

Электронная книга легко в ней поместится, а мои объемы и твердые углы вряд ли.

Да нет же, нет. Такого не может произойти, чтобы все бумажные книги...», — ДД стало так тревожно, что она не стала снова повторять длинное слово на «м».

«Как сказал молодой человек, электронные книги не могут долго жить без электричества. А меня можно читать весь день. Сидя около окна в комнате, во дворе на лавочке, в поезде или у маленького окошечка в самолете. Ночью зажечь свечи, как раньше, и снова читать.

А электронная книга питается электричеством, свечка ей не поможет. Нет, никуда нас не отвезут. У нас, бумажных, свои плюсы, у электронных — свои.

Что-то я чрезмерно увлеклась приземленными мыслями о материальном. Когда долго думаешь такие мысли, нет пауз. А без пауз сплошная суета. Так можно и правда в макулатуру угодить».

Герой Виктории Староватовой, история Марианны Яцышиной

Сон ловца снов

Мои милые домашние считают, что купили меня в московском экзотическом магазине. Отчасти так и есть, но моя история началась задолго до того, как я попал на витрину «Этномира» в компанию себе подобных и прочих странных штучек.

Не могу не вспомнить, что меня сплетала и украшала одна хорошая душа, знавшая толк в ловцах сновидений. У нее были добрые руки и немного близорукие глаза. Когда получалось хорошо, она отодвигала меня подальше и смешно щурилась.

Впрочем, вся ее чудная комнатка была завешана похожими на меня созданиями.

Каким-то непонятным образом она отличала нас и никто не чувствовал себя обиженным.

Однажды она вынесла всех на воздух и развесила на ветках раскидистого старого дерева. Это было непередаваемое ощущение: раскачиваться на весеннем ветру и наполняться светом. В момент легкого головокружения я немного забылся. Очнулся, когда увидел, что на мне сидит паучок и что-то внимательно выглядывает. Я ничуть не испугался, напротив, этот паучок показался мне старым знакомым, но никак не мог вспомнить, откуда я мог его знать.

В тот самый миг он подполз поближе и зашептал.

— Когда тебя принесут в дом, где живут маленькие и большие дети, когда тебе найдут место в их спальне, и ты начнешь выполнять свое назначение, не забывай ни на миг обо мне.

— Но кто ты такой, почему? Я скорее не забуду тех добрых рук, которые меня сплели и украсили.

— О, я твой очень давний друг — спокойно и убедительно прошептал паучок. Словно не замечая моего удивления, он продолжал. — В далекие времена, когда Земля была общим для всех домом, а люди не знали границ и раздоров, Белая Паучиха начала плести волшебную серебристую паутину. В Ее паутине запутывалось все недоброе, что иногда хотело возникнуть на Земле, и пропадало там без следа. Эта паутина стала стражем и защитником для мира маленьких и больших детей...

— А зачем тогда у паутины перья? — невежливо вставил я.

— Для того, чтобы разносить по всем сторонам Земли согласие и тепло в дома маленьким и большим детям. Это были перья мудрых птиц, собранные накануне новолуния на священной поляне — терпеливо продолжал паучок.

— Но откуда ты все это знаешь? — я снова его перебил.

— Всем паучатам их мамы рассказывают эту историю. Потом наступили трудные времена. Серебристую паутину кто-то очень большой и свирепый разорвал и развеял над огромной рекой, чтобы ее унесло временем. Пауков перестали любить, начали даже бояться, считать, что мы приносим несчастье и сеем зло. А мудрых птиц научились запираť в узкие клетки и наказывать, если они пытались вырваться из плена.

Но были и такие большие дети, кто не хотел жестокости, кто любил пауков и однажды решил сам сплести паутину из трав. Он ранней весной срезал тонкую красноватую ветку речной ивы, легко согнул ее в круг и аккуратно оплел серебристыми травами. Вышло очень похоже на паутинку. Затем он прикрепил пестрое перо, так и появился первый ловец сновидений.

— Хорошо, но почему именно сновидений?

— В добрых снах все становятся легче и свободнее. Маленькие и большие дети возвращаются после доброго сна такими светлыми, ты это еще увидишь. А не хорошие сны попадают в паутину и тают в ней как весенний снег.

— А зачем ты называешь всех детьми?

Но Паучок больше не отвечал на вопросы, лишь улыбнулся и куда-то засобирался.

Тут добрые руки начали снимать нас с шелестящих веток и, приговаривать: Братцы мои, пора расходиться, вы увидели свой первый в жизни сон, запомните его, но никому не рассказывайте, он вам самим пригодится. Теперь всех можно развозить по магазинам и лавочкам, Свет и Ветер вдохнули в вас жизнь.

Тут кто-то из наших запищал, что не досмотрел свой сон, или что вообще ничего не видел, что надо было заранее предупреждать, для чего нас на дереве развесили. А я тем временем, старался запомнить все то, что нашептал мне Паучок, и категорически отказывался верить, что это был всего лишь сон.

Ну а дальше нас запаковали по коробочкам, мы долго сидели в темноте и слышали постоянный грохот такой силы, что я уже думал, что потеряю сознание навеки. Очнулся лишь, когда нас начали развешивать в блестящем магазине, там пахло чем-то пряным и сладким. На всех приклеили непонятно для чего пестрые ярлычки с цифрами. Придя окончательно в себя, я начал ждать, сам не знаю кого.

В один чудесный день очень нежные руки, похожие на знакомые мне добрые, но даже еще мягче, осторожно подхватили меня, приблизили к глазам, потом положили в красивую сумку и вот я уже дома.

Теперь мои милые домашние считают, что купили меня в московском экзотическом магазине. Отчасти так и есть, но мое первое сновидение всегда со мной. Впрочем, я до сих пор уверен, что это был не сон.

Анна Гариб

Доброе утро, писатель...

Наступил 2014 год. Я была окружена тремя состояниями, которые плавно переходили из одного в другое, неоднократно вырисовывая равносторонний треугольник.

Состояние номер один — счастье. Счастье от того, что спустя 9 лет, как мы встретились с мужем, наконец-то мы живем вместе, в одной стране, в одной квартире и у нас растет чудесная дочь.

Состояние номер два — скорбь, которая затаскивала меня в темное подземелье депрессий. Мой отец покинул этот мир в день зимнего равноденствия перед началом 2014 года.

Третье состояние — недоумение. Что мне делать со своей карьерой, своим делом, которому я отдала около 20 лет? Я организовывала семинары, а затем полностью погрузилась в деловой туризм.

Туризм был для меня мистическим миром. Каждого, кто доверял мне свое время и деньги, я обнимала своими крыльями и мысленно сопровождала по карте его маршрута.

Только сейчас я поняла, что Гермес был всегда рядом со мной и нашептывал мне что делать. За 15 лет я не совершила не одной ошибки. Все поездки проходили гладко и волшебным, насколько это вообще было возможно. Я обходила цунами, ураганы и простые забастовки транспортников, меняя даты поездок по необъяснимым тогда для меня причинам.

Я не планировала оставлять туризм. Я решила работать удаленно, делегировать полномочия и жить в другой стране, рядом с мужем. С точки зрения бизнеса это было правильно. Но ключевые люди, которых я долго обучала, в последний момент перед моим отъездом развернулись на 180 градусов. У них неожиданно оказались совсем другие планы.

Передо мной встал выбор: начать все сначала или уехать рожать ребенка? Я уехала, решив, что бизнес возможен и в 90 лет, а вот ангелы в виде детей приходят только в определенном возрасте.

Сегодня я очень благодарна тем, кто нарушил наши договоренности в последний момент. Таким образом, мое имя и работа остались безупречными. Ведь с точки зрения магии это было неправильно — делегировать полномочия. Другие не слышали и не чувствовали, что говорил Гермес. А значит, были бы ошибки. Так что может быть лучше

ухода в период полного расцвета, на гребне волны? Наверное, ничего! Решение стать мамой во второй раз стало самым главным, а все остальное стало неважным.

Вопрос, что делать с работой, периодически вставал передо мной. Потому что я не привыкла к поражениям. Тогда, в начале 2014, мне все еще это казалось поражением. Мамины слова, что все к лучшему, действовали наполовину.

— Твое пространство освободилось для чего-то нового!

— Но я так не планировала!

— Ты ведь не знаешь, что тебя ждет!

Хотя как посмотреть. Поражение ли это? Сейчас, в конце 2014, я вижу все по-другому. У меня родилась дочь и я смогла полностью посвятить себя ей. Я стала счастливой, как женщина.

Сегодня меня уже не волнует вопрос моего возврата в бизнес. Он возможен, но не сейчас, так уж точно. Я объясню, почему.

В июле 2014 мне исполнилось 40 лет, и мой треугольник состояний стал трансформироваться напрямую.

У меня появилось свободное время и новые друзья. Ко всем я относилась с открытым сердцем. Ведь дружба раньше была для меня неслыханной роскошью. На дружбу нужны силы, время и желание, которые всегда отбирала у меня любимая работа.

Не всегда мне удавалось понимать мотивы поведения людей и природу их эмоций. Я нашла выход: записалась на онлайн-курс психологии.

Наконец-то я стала думать о себе: что лично меня волнует, что меня интересует, а не о долге.

Как бабочка, я летала от одного интереса к другому, и каждый новый цветок завораживал меня по-своему. Я была счастлива быть свободной, вдыхать свежий воздух, смотреть на звезды и не думать, что именно я должна сделать по плану, чтобы получился нужный результат.

Если бы кто-то меня спросил в июле 2014: а тебе нравится писать? Я бы ответила:

— О чем Вы? Я об этом даже никогда не думала! Я хочу рисовать, танцевать. Возможно, если бы я сейчас встретила с фортепиано, наши отношения могли бы сложиться по-другому, а не так, как 30 лет назад. Но для этого нам нужно опять встретиться.

Случайно в ФБ я увидела объявление Леночки об обучении онлайн-сторителлингу. Объявление меня совсем не интересовало, но я упорно продолжала смотреть на него. Я смотрела и не знала, что с ним делать. Внутренний голос говорил, что делать что-то надо. Вначале я хотела, чтоб старший сын пошел поучился, ведь ему нужно писать сочинения. Сын наотрез отказался. Я продолжала смотреть на объявление с возмущением. Меня это не интересует, почему я тогда на него смотрю?

Несколько дней спустя, играя в карты, я вытянула картинку – Вы прирожденный писатель. Начните. Я смеялась.

Потом мне стало не смешно, когда одна и та же карта выпала 3 раза в течение недели. Я недоуменно водила глазами влево-вправо. Это уж слишком, три раза выпадать. Так как я обещала себе перестать много думать, я решила: а чем я рискую? Пойду на курс.

С первого дня обучения я почувствовала себя в волшебной стране. Я открыла дверь, о которой никогда даже не подозревала. Мой ум ничего не понимал, а удовольствие сказало:

— Смысл тебе что-либо понимать? Ты можешь ну хоть что-то перестать анализировать и делать выводы?

Если меня кто-то спросит, как я пишу, я ничего внятного ответить не смогу. Я перехожу в другой мир. Я вижу образы, и они просятся наружу. Вот так все просто. Я подхожу к обрыву, выпускаю бабочек из груди, и мне нравится смотреть, как они летят.

Сейчас я не представляю ни дня без письма. Иногда в моей голове образы дерутся, кто выйдет первым. Я вынуждена призывать их к порядку. Героями моих видений могут быть реальные люди, трансформированные в образы. Могут быть просто образы, которые я реально вижу и эмоционально чувствую. Могу быть сама я. Я просто открываю дверь в волшебную комнату. Сажусь и пишу. Без всякого плана (как такое вообще возможно?).

Я пишу. А что с эти делать? Может, людям показать?

— Хорошо! Все так просто! Надо открыть страничку в ФБ. Пару минут — и готово! Думала я. Как же я ошибалась...

Месяц я говорила себе: наверное, завтра. Завтра не наступало. Уставшая от своих отговорок, я усадила себя за открытие страницы в ФБ.

Неожиданно у меня начали трястись коленки. С перепугу вместо фото профиля я отправила 2 раза свое фото в ленту новостей. Френды весело лайкали.

— Что вы лайкаете? — думалось мне. — Вот если бы вы мои истории лайкали...

Дрожащими руками я выложила истории и сползла со стула. Я не думала, что это так волнительно и страшно! Меня трусило. Я стала бегать по балкону вперед-назад в надежде хоть как-то успокоиться. В ту ночь я толком не спала. Меня опять трусило, будоражило, мне хотелось пойти прогуляться по темным улицам вприпрыжку.

— Я сделала! Я решилась! Я разогналась и прыгнула в бездну... Теперь весь мир может узнать, о чем я думаю и что я чувствую! Ну и пусть знает! Мне скрывать нечего.

На следующий день я раздумывала над фото обложки на странице и показала мужу ее мужу.

— А это что? — Ткнул муж пальцем в слово «писатель».

— Это Анна Гариб — писатель, ответила я. — Так что ты думаешь про фотографию?

— Что? Писатель? Ну ты даешь!

— Ты мне лучше про фото скажи, — настаивала я. Ведь внутри меня было полное спокойствие. Я пишу, значит — я писатель. Я ж не пою, я не певица.

Муж не унимался.

— А ты знаешь, кто такой писатель? Тот, кто книги пишет и издает.

— А кто я тогда? Кем мне быть?

— Будь просто человеком, а потом можешь быть писателем. Надо быть скромнее. Люди тебя не так поймут.

— А когда — потом?

— Ну потом... как книгу издашь...

— Ну я же уже пишу...

Меня накрыло глухой волной. Я сидела, как в бункере, и бормотала:

— Кто я? Кто я? У кого я могу спросить, и кто честно ответит — кто я?

Я бросилась писать Леночке о том, кто же я и что подумают люди? Леночка состояние поняла и предложила успокоить себя, поменяв «писатель» на «я пишу».

Да, все для людей. Чтоб не подумали... Сейчас поменяю. Руки потянулись.

— Стоп! Так чтоб опять подумают люди, если увидят, что я то «писатель», то «я пишу»?

«Что подумают люди» стало реальной белой горячкой. Куда бы меня не заносило с моими фантазиями, везде меня встречал мутирующий вирус — руки в боки: «а что подумают люди!»

Хорошо, пусть люди подумают! Сейчас я спрошу у психологов на онлайн-курсе, кто я?

Дрожащими руками я набрала свой вопрос и отправила в вебинарную комнату. Вопрос был совсем не по теме занятия. Но его зачитывают! От волнения я почти не слышу ответ.

— Анна, Вы писатель! Слышу я дуэт лекторов.

— Но Вы даже моих рассказов не видели!

— Это все неважно. Неважно, что скажут другие. Важно то, что Вы для себя решили! Если Вы ощущаете себя писателем — Вы писатель. Вы сделали прыжок, шаг навстречу мечте, а теперь развернулись и идете в обратном направлении.

Мне стало легче.

Напоследок я решила спросить у мамы — кто я.

— Писатель! А кто вообще такие странные вопросы задает? — не моргнув глазом, ответила мама в скайпе.

Я задумалась. Мой рассказ нравится или не нравится вне зависимости от того, издаюсь я или нет. Он волнует или нет независимо от того, когда я его написала и как я называюсь.

Я поняла, что произошло. Муж, который всегда говорил об удовольствии от процесса, в данном случае акцентировал внимание на реальном результате. Я всегда, боровшаяся за результат в реальной жизни, говорила о процессе.

Я пришла к мужу и сообщила, что все-таки я писатель. И вообще, он не друг для людей, которые решают прыгать.

— Еще какой друг! Благодаря мне ты разобралась, кто ты. Если бы не я — ты бы рыдала от чьего-то резкого замечания, какой же ты писатель. И кто бы утешал тебя, как не я? А теперь ты полностью готова!

Я больше не волнуюсь, что подумают люди. Я просто сажусь и пишу. Я перехожу в другой мир и рассказываю о нем людям.

— Доброе утро, писатель! — слышу я теперь каждое утро от мужа.